

Александр
Шкурманов

ПАПА ПОДАРИЛ МНЕ ОЛЕНЯ

Александр Шкурманов

Папа подарил мне оленя

«Издательские решения»

Шкурманов А.

Папа подарил мне оленя / А. Шкурманов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506926-9

Лео — юный бунтовщик-романтик. Он мечтает о великом, однако тратит время впустую на бесконечные вечеринки с друзьями. Однажды он влюбляется в свою загадочную соседку Алису, мать-одиночку с пятилетним сыном. Ее внезапная болезнь ставит Лео перед дилеммой — сохранить привычный образ жизни или измениться, взяв ответственность за воспитание ребенка. Пытаясь разобраться в себе, сделать правильный выбор и разгадать тайну Алисы, Лео обращается к образу из детства.

ISBN 978-5-00-506926-9

© Шкурманов А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
1	13
2	25
3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Папа подарил мне оленя

Александр Шкурманов

Корректор Индира Салихова

© Александр Шкурманов, 2019

ISBN 978-5-0050-6926-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Жёлтый утренний свет сквозь приоткрытые шторы отделил день от ночи. Пора просыпаться, мои дорогие! Утро, утро, щебечут птицы за окном, и совершенно верно, осталось ровно пять минут до звонка будильника. Всё равно не уснёшь, хотя и подниматься ещё смысла нет, вот и лежи в своей кровати, натягивая одеяло на уши, будто это тебя спасёт. Утро наступает в богатых особняках на залитых зеленью холмах, утро наступает в бедных лачугах в долине африканских рек. Утро наступает и на улице, где живёт наш герой. На этой улице пятнадцать домов, восемь с одной стороны и семь с другой. Все дома почти одинаковые – пяти- или четырёхэтажки постройки начала двадцатого века с лёгкой лепниной, бежево-грязным окрасом, входной дверью, залепленной стикерами, булочной на углу и кебабом напротив. Таких улиц полно в мире, и попробуй отличить их в Варшаве, Гамбурге, Мадриде, Лилле... Да и люди в них живут одинаковые – студенты, молодые фрилансеры, парочки на заре своих отношений, такие улицы привлекают всех, у кого мало денег, но много амбиций, планов, идей и вдохновения. Именно в таких домах, на таких улицах рождаются гении, которые впоследствии, когда их головы покроют седины, непременно создадут какой-нибудь шедевр. Впрочем, признаем истину, далеко не обязательно все обитатели таких улиц становятся гениями, многие разочаровываются в своей молодости, и, не найдя себя или испугавшись своих собственных идей, превращаются в тех, кого принято называть «средний человек». Но пока ты студент и жизненный путь у тебя впереди, ты не задумываешься о том, куда занесёт тебя судьба и кем ты станешь через десять, двадцать и уж тем более через тридцать лет. Ты живёшь, наслаждаясь, пробуя новые формы, идеи, вещества, напитки, цвета, фасоны, звуки, движения, вкусы, периодически работая, точнее, подрабатывая, чтобы у тебя хватало денег не помереть с голоду, вовремя оплачивая комнату и свои поиски. Ты живёшь, а всё остальное – потом.

Все пятнадцать домов на улице нашего героя, равно как и сотни домов на сотнях улиц, ей подобных, набиты одинаковым – скрипучими дверьми и лестницами, мебелью секонд-хенд, одеждой секонд-хенд, дешёвыми продуктами из близлежащего супермаркета и недешёвыми продуктами из близлежащей веганской лавки, смартфонами, планшетами, ноутбуками, экранами и подключёнными к ним игровыми приставками, звуковыми системами, как современными, так и антикварными. Картины, нарисованные либо самими жильцами, либо купленные на распродаже начинающих художников, плакаты любимых фильмов, групп, билеты посещённых концертов, крышечки от пива, пробки от вина, билеты недавних поездок с друзьями, совместные фотографии – всё типично, всё одинаково, но каждая такая вещь представляет собой предмет невероятной гордости её владельца, даруя ему или ей множество приятных воспоминаний. Этим и отличаются обитатели таких улиц от людей средних – у среднего человека нет такой привязанности к хламу. То, что старо, но не антикварно, бестактно получает ярлык мусора; билеты, плакаты, крышечки выбрасываются без сожаления в корзину. Средний человек не любит хлам, а люди, подобные нашему герою, называют хлам крутыми штуками.

Хенд-мейд, веганство, инди – это духи студенческих квартир на таких улицах. Словосочетание «социальная справедливость» произносится здесь чаще, чем на митинге сторонников Берни Сандерса, «возобновляемые источники энергии» и «переработка отходов» звучат чаще, чем в офисе «Гринписа», а по количеству упоминания фразы «чувак, передай мне косяк» эти улицы могут соперничать с концертами последователей Боба Марли.

Идеи здесь носятся молниеносно. Если вы прохладным утром вышли из дому, чтобы сходить в кебаб за обедом, и случайно увидели или услышали какой-то тренд в начале улицы, то, пока вы дойдёте до её конца, этот тренд почит в Бозе. Здесь нужно держать ухо востро, а глаза должны быть широко открыты, чтобы не упустить ни одной детали. Если ты не уловил тренд – поздравляю! Это первый шаг на пути к превращению в среднего человека. Ещё пару

раз пропущенных новшеств – и тебе впору будет покупать семейный седан и надевать бежевые носочки под сандалии, чтобы не натёрло ногу и ей было тепло. Сурово, но такова жизнь!

И такие мгновенные перемены направления моды и трендов отнюдь не потому, что местные жители ветрены и легкомысленны, хотя, признаемся, и такие черты характера им присущи. Всё дело в большой плотности населения – мало кто снимает квартиру целиком для себя. Это, во-первых, дорого, а во-вторых, скучно. Будешь жить один на такой улице – можешь смело вызывать гробовщика, потому что помрёшь от скуки. Ну, или от нехватки денег у тебя закончится еда, и ты пополнишь список тех, кто помер с голоду. Бывает так, что кто-то из друзей после вечеринки не смог пойти домой по известной причине и остался у тебя ночевать, или девушка решила провести сегодняшнюю ночь у тебя. Возможно, что друзья, с которыми ты познакомился в прошлом году в Амстердаме по программе «Эразмус», решили внезапно тебя навестить и живут в твоей комнате неделю. Всё это увеличивает не только населённость домов, но и скорость передачи идей. И они, идеи, распространяются здесь быстро, потому что 99% из них начинаются со стука в дверь соседа по квартире и возгласа «Эй, Карло, зацени крутую штуку». И Карло заценит. Когда Марко выйдет наконец из ванной, заценит и он. Потом каждый выложит фотку крутой штуки в «Инстаграм», «Снэпчат» или «Твиттер», и штуку заценят сотни людей, а к завтрашнему дню о ней будут знать уже все подписчики и подписчики подписчиков, и крутая штука перестанет быть крутой. Круто – это когда эксклюзивно. Когда ты придумал тренд – ты мегакрут. Когда ты узнал о тренде одним из первых – ты крутой чувак, и тебе обеспечен успех на любой вечеринке. Когда ты узнал о тренде через пару недель – ну что ж, вот и второй шаг к превращению в среднего человека.

У жителей этих улиц нет времени на долгие раздумывания, ведь молодость так скоротечна. Вот ты студент, а через лет пять ты уже покинул универ и живёшь с женой и парой детишек где-то в другом районе. Так что используй время по максимуму. Для этого у тебя должен быть аккаунт в соцсети и мессенджере. Нет, точнее, в нескольких соцсетях и нескольких мессенджерах. И не просто аккаунт, а очень активный аккаунт. Не постишь день – и тебе будут писать, всё ли с тобой в порядке. Не постишь неделю – и люди будут собирать деньги на цветы, чтобы положить на твою могилу. На таких улицах активность в соцсети – это символ жизни. Фотография веганской овсянки на завтрак, фалафель на обед, суши на ужин и чашка кофе между ними. Это обязательно. Фотография нового барахла, билетов на концерт, винтажные солнцезащитные очки, купленные на eBay, новая твоя картина (даже если и не твоя), вечеринка с соседями, вечеринка с друзьями из универа, вечеринка со случайными людьми, которых ты встретил на пути с вечеринки с соседями к вечеринке с университетскими корешами – всё это важно и должно быть запосчено. Дополнительно это должно быть отправлено куче друзей и приятелей: «Эй, Тони, как ты? *смайлик*», «Мы с Карло *смайлик* и Марко *смайлик* двигаем на вечеринку к Катрине», *два смайлика*, «Ты с нами, чувак?». Такое сообщение уместно бы тоже закончить каким-нибудь тематическим смайликом, но далеко не все его ставят, надеясь, наверное, не сойти у собеседника за пустослова.

Вечеринки на таких улицах подобны научным конференциям. Как на собрании учёных новые идеи обговариваются и обсуждаются во время кофе-брейка, так и на вечеринках новые идеи приобретают форму, будучи запиваемыми крафтовым пивом из недавно открывшегося магазинчика. Иначе как узнать, создал ли ты новый тренд или нет? Иначе как измерить свою крутость и крутость других? Нет, одних фотографий в «Инстаграме» недостаточно, даже если на них был наложен новый модный фильтр. Тебе нужно, чтобы общественность заценила твоё творение, идею или взгляд, дало суждение, приняло к сведению, запостило в соцсети с соответствующим тегом или же учтиво проигнорировало, дав тебе таким образом тактично понять, что всё, что ты пытаешься выдать, – полная фигня. Чем отличается такая вечеринка от тысяч других, которые проводят средние люди в своих средних домах? Вполне закономерный вопрос, но, о парень, где же тебе ещё услышать новое произведение группы «Айс-Креш»,

записанное в гараже на параллельной улице? Где тебе ещё увидеть бижутерию шестидесятых на той миниатюрной блондинке с модной стрижкой, которая тебе так понравилась (и блондинка, и стрижка)? Где ещё, скажите на милость, обсуждают последний политизированный твит актрисы, снявшейся в фильме... ну в том фильме про психотерапевта, который отправился на войну... там ещё снимался тот актер из «Игры престолов»... ну, вы поняли. Это всё возможно только на таких улицах и только на таких вечеринках. Как значимость научной конференции определяется количеством звёздных учёных, на ней выступившей, и количеством статей, опубликованных в журнале-спонсоре, так и крутость вечеринки определяется посещением её музыкантами из универсской инди-фолк-группы, чуваками, знающими толк в фотографии и кино, и количеством выпитого пива. Бутылочки сдаются, крышечки аккуратно складываются в специальный стеклянный ящик, который на следующее утро будет сфотографирован и выложен в «Инстаграме» с подписью «Погуляли *смайлик*». И куча тегов.

Помимо вечеринок, безумных идей, смайликов, косячков и студенческой бедности, всё здесь пронизано творчеством. Не ахти каким, но помним: главное – поиск себя. Бесконечный поток культурной энергии, волны звуков, цветов и форм, настоящий шторм искусства накрывает эти улицы день за днём. Меняются жилыцы, меняется содержание песен, картин, плакатов, фотографий, скульптур, но энергия не угасает. Каждый вдохновляется каждым, каждый учится у каждого. Звук, подслушанный под окном в соседнем доме, превращается в картинку, составленную из трёх мазков, или в плакат смеси стилей поп-арт и реализма. Стикеры с кажущейся бессмысленной комбинацией символов и геометрических фигур, граффити с неизвестными персонажами – это источники энергии. Они вдохновляют тебя, когда ты выходишь из дому, они вдохновляют тебя, когда ты болтаешь с друзьями с бутылкой пива на улице, они вдохновляют тебя, когда ты возвращаешься домой. Они запускают в тебе невидимый мотор современного искусства, и тебе хочется творить, творить, творить. Скажем откровенно, есть те, кто творить не способен – у них слишком кривые руки для рисования и полностью отсутствует слух для хоть какого-то восприятия музыки и уж тем более для её рождения. Такие люди пробуют себя в хенд-мейде. О, всеильный хенд-мейд! Ты надежда бесталанной толпы, которой не стать новыми Джимами Морисонами и Энди Уорхолами! Сумки, шарфы с шапками, велосипедные звонки и сёдла, открытки, бижутерия, прихватки для кухни, полотенца для ванн, альбомы для фотографий (да, на этих улицах, напичканных ультрасовременной техникой, фотоальбомы пользуются спросом. И всегда будут им пользоваться). Разве найдётся хоть что-то, что не могут сделать свои собственные руки, не отдавши это на откуп бездушным машинам на не менее бездушных фабриках? Раз в месяц, а то и чаще, всё произведённое добро выносятся на распродажу, на специальный рынок, устраиваемый на заброшенном заводе. Ручной труд победил индустриализацию. Мечта луддитов в исполнении двадцать первого века. Каламбур ситуации заключается ещё и в том, что большинство произведённого хенд-мейда благодаря таким рынкам просто перетекает из одного дома на улице в другой. Порой место жительства очередного абажура для настольной лампы лишь скромно перемещается из одной квартиры в другую, не меняя этажа. Что поделать, но истинные ценители хенд-мейда – это те, кто сами этот хенд-мейд и порождают.

Иная философия улицы – это веганство. И слово «философия» здесь более чем уместно. Осознание неминуемой гибели планеты в результате экологических катаклизмов и ультрагуманизм наложились друг на друга, придав поеданию овощей сакральный смысл. «Не навреди», – говорил своим ученикам Гиппократ, проводя грань между медицинской наукой и врачеванием. «Не навреди», – говорят веганы любителям говяжьих стейков и мёда, имея в виду страшные страдания, испытываемые животными, забиваемыми на скотобойнях или эксплуатируемыми людьми, стремящимися лишь насытить свои потребности в кулинарии. Вместе с тем веганы сделали значительный вклад в развитие этой самой науки, кулинарии, предлагая неопитам веганской философии все те вкусы, которых они лишаются, отказываясь от продуктов, полу-

ченных от животных. Всевозможные соевые йогурты, пасты из орехов, колбаса из бобов, сыры, не содержащие в себе ни капли молока. Веганы пошли дальше, изменив рецептуру и технологию производства алкоголя всех сортов и оттенков. Гиннесс, придуманный три столетия назад, идёт на попятную и меняет свою рецептуру в угоду философии веганства. Больше никаких желатиновых фильтров! Воистину, вклад веганов в инновацию пищевой промышленности колоссален! Пару улиц города могут изменить спрос и предложение сильнее, чем любой маркетолог с гарвардским образованием. Тот экономист, который опишет это явление, весьма очевидно получит Нобелевскую премию и прославится гением. Тот бизнесмен, который оседлал волну веганства, является гением уже в настоящее время.

Но не только индустрия меняется под влиянием этих улиц. Их всемогущие обитатели меняют лица городов, подмяв под свои нужды градостроительные планы и урбанизацию. Парки, долгое время слывшие злаными местами городов, причём весьма справедливо, из-за постоянного в них нахождения наркоманов и наркоторговцев, бомжей, фриков, бандитов и проституток, меняются мгновенно, найдись под кустом покер или бесплатная точка вай-фай. Наркоманы с воплем убегают с насиженных мест. Проститутки с непониманием исчезают из парков, которые теперь оккупируются очкариками с книжкой в правой руке и смартфоном в левой. Худенькая девочка в футболке с постмодернистской лисой и шортах в стиле девяностых изгоняет грабителей с дорожек парка быстрее, чем отряд вооружённой до зубов полиции.

Но они идут далее, и перечерчивают трафик на дорогах. Расширение проезжей части? Ха! Новые тротуары? Не тут-то было! Велодорожки, словно формирующиеся вены человеческого зародыша, красными линиями опутывают город. И ведь нельзя сказать, что велосипед придумали вчера или что лишь десять минут назад человечество решило экономить свои деньги, здоровье и двуокись углерода, что потребовались вдруг велосипеды. Однако велодорожки – это совершенно новое явление, мысль, идея, принесённые с тех самых улиц. Теперь, где бы вы ни находились – в Голландии или Польше, Чехии или Франции, везде, чуть решите вы сфотографировать необычное здание или бог весть что ещё, услышите ставший уже привычным дзынь-дзынь велосипедного звонка. Ах, да вы же просто перешли черту и теперь стоите на велодорожке! Шаг в сторону, и вы спасены. По крайней мере, на ближайшие пару минут, пока велосипедный нонконформист, презирающий черты и линии, не даст вам знать, что отныне он решил передвигаться на своём железном коне исключительно по пешеходным тротуарам.

Велосипед в этих районах – что «Бентли» где-нибудь на Пикадили – без этого нельзя. Не то чтобы вы вызовете к себе презрение своих соседей, если решите передвигаться на автомобиле или на метро, но велосипед, как и профиль в «Фейсбуке» или рубашка в клетку, говорят о вас, кто вы есть. Есть велосипед – так, значит, вас скорее примут за своего, чем если бы при его отсутствии. Велосипедами здесь гордятся. Не с кичем, но гордятся. Ваш велосипед должен быть крутым. Крутой велосипед – это тот, который: а) винтажный и б) фотография которого бы отлично вписалась в вашем «Инстаграме» между капучино из «Старбакса» и осенней листвой на скамейке. По велосипеду, как и по обуви, люди делают вывод, какой вы. Кеды «Конверс» и крутой велосипед дают вам пропуск в это общество. Как видите, не так уж и сложно сюда попасть.

Однако встаёт вопрос, как долго вы задержитесь в этом обществе. Буквально пары вопросов от местных жителей достаточно для теста «свой-чужой». Что думаете о третьей песне из нового альбома Mumford&Sons? Когда выйдет новый фильм Уэса Андерсона? И наконец, вас как бы невзначай могут спросить, а изменилось ли ваше мнение об Аттикусе Финче после прочтения «Пойди поставь сторожа»? Замешкались, ответили неверно, занервничали, мямлили – езжайте в свой район, вам тут делать абсолютно нечего. Ответили уверенно – добро пожаловать домой, приятель. Глядишь, вам дадут бесплатный лайфхак, как лучше укладывать бороду, какие шины лучше всего подойдут к вашей велосипедной раме цвета морской волны или где можно купить коллекционное издание виниловой пластинки группы Los Bravos. Интел-

лектуальность – стержень здешнего общества, ведь, чтобы породить свои идеи, нужно уметь воспринимать и рефлексировать чужие. Вы можете быть бездарным автором, но ценить дар Чарльза Буковски вы обязаны. Вы можете переживать творческий кризис, следующий за творческой депрессией, но не уметь в десяти тезисах раскритиковать группу Radiohead просто преступно. Да что и говорить, но информация тут – хлеб насущный, так что аромат свежей выпечки должен вас преследовать гораздо реже, чем аромат старой доброй книги – только так эти люди существуют. Первое, чем здешний житель одаривает своих друзей, встречая их в баре, своих однокурсников, завидев их на лекции, или своих коллег, приветствуя их в восемь утра перед входом в магазин поддержанных товаров, где он работает, – это рецензия. Рецензия на новый увиденный фильм, альбом, книгу, поэму, выставку – что угодно. Эти жители – рецензенты. Им бы журналистами работать в отделе новостей культуры, да только их амбиций не вместить ни одной редакции мира.

Амбиции... Они рождаются, и они рушатся здесь. Человек отправляется в университет, покинув родительское гнездо, и селится на одной из таких улиц. Он полон амбиций, ведь без них очень сложно пережить переход от подросткового детства к неокрепшей юности и далее к затуманенной взрослости. Амбиции рушатся, когда социальная несправедливость, трудности с добычей самых элементарных материальных благ, научной степени, постоянных отношений бьют железной битой по затылку. Порой это просто лень и свои собственные пороки – слишком много бухал, курил травку, втыкал в интернет, спал, посещал пять вечеринок за одну ночь, а там снова – бухал, курил травку... Да, и такое бывает. По странному стечению обстоятельств, эти же районы, которые дарят так много вдохновения и идей, так много у тебя забирают. Точнее сказать, меняют у тебя твою энергию на алкоголь и наркотики. Крафтовое пиво – сосновый вкус, янтарный цвет, крепкая пена. Ликёры – зелёный и мятный, рубиновый и вишнёвый, шоколадный, молочный, кофейный. Виски. Коньяк. Водка. Текила. Текила, запитая водкой. Ну, или можно попробовать сделать коктейль, например, кофейный ликёр, виски и кола. Фу, блевотина! Попробую ещё раз! Пару месяцев элегантного алкоголизма и дегустации, и вуаля! Ты уже можешь выдать рецензию на любой алкоголь из бутылки с забавной этикеткой. Взамен получишь рецензию от продавца на фильм, который ты собирался посмотреть со своей девушкой и соседями сегодня вечером. Достойный обмен, достойная цена. Попробовав все виды текилы и абсента, которые предлагают местные бары, ты переходишь на новый уровень – косячки. О да, дух вечеринки – это едковатый дымок тлеющей марихуаны. Пройдёт пара месяцев с первого затяга – и ты уже учишь своих новых друзей, как правильно скручивать косяк. Ещё пара месяцев – и первый опыт ЛСД выведет тебя из творческого кризиса, в который ты впал накануне, и отнесёт тебя к новым берегам идей и задумок. Так уж устроен наш мир: если хочешь ехать на машине – заправь её бензином, хочешь достигнуть нового понимания форм – заправь своё сознание дымком, кислотой и алкоголем. В уравнении творчества и молодости непременно необходим множитель, имеющий весьма определённую химическую формулу.

Однако природа сама сбалансировала это общество: оно редко скатывается к хроническому алкоголизму и наркомании по банальной причине – отсутствие денег. No money – no funny. Вот и приходится после каждой буйной вечеринки чесать голову и думать, как выжить с тремя пакетиками риса и банкой томатного соуса следующие две недели. И тогда тусовщики целыми квартирами идут на работу. Редко кому удаётся найти крутую работу мечты. Крутая работа мечты – это, безусловно, требующая эксплуатацию твоих творческих навыков. Большинство находят своё призвание в ресторанах фастфуда, магазинах, рабочими-помощниками, курьерами. Но есть и парочка счастливиц, на которых указывает своим перстом госпожа Удача, и они получают работу художников, помощников звукорежиссёров, оформителей, дизайнеров. Есть ещё более удачливые парни и девушки, которым каким-то образом удаётся продать свои творческие способности – альбом, книгу, картину. Отнесём к этой когорте

любимчиков Судьбы и тех, кто сделал неплохие деньги на хенд-мейде. Однако таких людей меньшинство, о них слагают легенды и лишь перешёптываются на вечеринках.

Но настала пора признаться себе, что это за люди, назвать вещи своими именами. Произнесите это вслух, давайте же – ХИПСТЕРЫ. Правда же, мерзкое слово? Собственно, в настоящее время ни один из обитателей этих районов себя не назовёт хипстером, так как слово это вышло из моды, когда половина из ныне живущих на этих улицах людей переходила из младшей школы в среднюю. Люди средние же без разбору называют хипстерами всех, кто носит хоть какое-то подобие бороды и имеет музыкальные предпочтения, чуть-чуть выходящие за рамки средних. Что ж, терминология ясна, неясно только, почему сей эпитет набрал так много негатива в свой адрес. В былые времена хипстером становился всякий, кто хотел уйти от мейнстримовой культуры, не имел достаточно денег и желания тратиться на покупку CD дисков с новыми песнями старых исполнителей, был сыт по горло телевещанием, общественными нормами, дресс-кодом, корпоративной культурой, политизацией, ответственностью, консерватизмом, и прочим, и прочим, и прочим. Такие люди видели отдушину в интернете, в ярких цветах, неподобающих формах, фасонах, постмодернизме. Сочетая несочетаемое – футболки поло с кардиганами и свитшотом, строгий деловой костюм с кислотно-розовым платком и бородой, одежду секонд-хенд и новомодный айфон – в этом был дух хипстерства. Они шли против системы! Они ломали границы, переворачивая всё с ног на голову, как битники, как хиппи. Да, они – новое поколение, приветствуй их, мир! Нравится тебе или нет, но все эти татуировки, латте, древние книженции, ретроспективы, мобильные приложения делают нашу эпоху. Культура мейнстрима была в растерянности. Был растерян и бизнес ширпотреба – кучи молодых людей уходили с рынка, и корпорации бросились нанимать самых экстравагантных маркетологов и психоаналитиков, чтобы понять, что это за поколение и что оно хотело бы покупать. Комичность ситуации заключается ещё и в том, что хипстеры в большинстве своём не отрицали рынок и в какой-то мере даже обожествляли потребление, в отличие от тех же хиппи, которые ни во что не ставили капиталистические отношения. Хипстеры не шли на баррикады, они не делали ничего, чтобы изменить систему как таковую, хотя постоянно об этом и говорили, они хотели уйти от неё, вот и всё. Хипстеры готовы были выкладывать любые суммы, но только за то, что было бы крутым. Почему крут айфон, а самсунг – нет? Почему круты кардиганы и свитшоты, а худди – нет? Почему кофе из «Старбакса» круче кофе из «Макдоналдса»? Почему бейсболки круче шляп? Почему Харпер Ли круче Вивьен Ли? Понять, что круто, а что нет, некрутое среднее общество так и не смогло и стало копировать форму хипстерства, навязывая её в широкие нехипстерские массы. И произошло невероятное! Улицы заполнили клоны хипстеров. Понять, кто свой, а кто чужой, по внешним факторам было невозможно. Вы можете отличить с ходу металлиста, ведь никому другому в голову не придёт в расцвете сил и дня ходить в грубой кожаной косухе, да ещё и увешанной парой килограммов хромированных стальных заклёпок. А вот с хипстерами всё было иначе. Общество насмеялось над ними: любите клетку? Все и всё будет в клетке! Любите тяжёлую оправу очков? Так заполоним же ими рынок! Постмодернизм дал маху. Охотники за формой вдруг поняли, что форма стала содержанием. Это была катастрофа, ведь казалось, что идея хипстерства сошла на нет: музыкальные корпорации торговали инди-музыкой, артхаус приносил кинокорпорациям больше прибыли, чем блокбастеры, в масс-маркете одежды ничего другого не продавалось, кроме того, что выглядело якобы из винтажного секонд-хенда. Найти крутое во всём этом дерьме было решительно невозможно. Однако вместо того, чтобы исчезнуть, хипстеры закопались вглубь своей философии. Во-первых, отсекали от себя слово «хипстеры» – пусть оно достанется массам. Во-вторых, начали искать крутизну там, куда обычный человек не сунется наверняка, – на помойках. В буквальном смысле. Плохие районы станут нашими. Некачественная кустарная музыка будет играть у нас на вечеринках. Хенд-мейд станет нашей фабрикой, ибо уж что-что уникально, так это старый добрый хенд-мейд. И случилось чудо! Хипстеры оторвались, а обще-

ство осталось далеко позади, со всем своим ширпотребом. И среднее общество прокляло хипстеров, так как ни одна ещё субкультура не уходила просто так от корпораций и мейнстрима. Догнали хиппи, оседлали готов, изжили эмо. А хипстеры просто ушли и стали жить такой жизнью, которую «приличному человеку» и не подумается ворошить: грязно-страшно-непонятно.

Так и сохранили все эти чудики с бородами, диковатыми очками, затёртыми свитшотами свой постмодернистский образ жизни. И хоть теперь они плюются от слова «хипстеры», но по духу таковыми и являются. Они переняли эстафету от битников, хиппи и эмо одновременно, переняв их чужаковатость, энергию и нестандартный взгляд на вещи. Полная свобода действий и самовыражения, да здравствует их поколение!

И только здесь, только в этом месте, среди этих людей могла произойти эта история. История простого парня, хипстера, чудика, студента, художника, точно такого же, как и тысячи ему подобных в разных городах и странах мира. Вот его улица, а вот его дом. Вот его этаж – последний, и вот его квартира – справа от лестничной площадки. Вот его велосипед тут же, с добытым невесть где седлом и совершенно необычным фонарём. Давайте же войдём в его квартиру. Он снимает её наполовину со своим приятелем. Оба изучают физику и уже в паре шагов от гордого звания магистра естественных наук. Нашего героя пусть будут звать Лео, а соседа – Маттиас, или Мэт, как называет его Лео. Им обоим немного за двадцать, хотя Маттиас на пару месяцев старше Лео. Так уж случилось, что им настала пора расставаться, так как, звеня крыльями, коварный Купидон пронзил сердце Мэтью стрелой серьёзных намерений, и вскоре ему предстояло обручиться со своей девушкой. Для подготовки к свадьбе и дальнейшему совместному проживанию они уже сняли квартирку неподалёку. Нет, не в этом районе, но совсем близко, видимо, рассчитывая, что волна, уносящая хипстеров в лоно средних людей, обойдёт их стороной. Но мы-то знаем, что это не так. Семейная жизнь и дети будут их уносить всё дальше и дальше от этого места одновременно, словно тонкой лёгкой шёлковой ниткой они будут вить вокруг себя кокон, который превратит их в людей средних. Но это всё будет потом. А пока – они наслаждаются самым замечательным периодом своей жизни, одновременно помогая Маттиасу с переездом. Для Лео же это приятное, казалось бы, событие из жизни своего друга оборачивается кучей проблем. Во-первых, нужно найти себе нового соседа, который бы смог разделить с ним тяготы финансовой ответственности перед владельцем дома. Во-вторых, Лео предчувствует скорое падение их крепкой дружбы, которое неминуемо наступает друзей, когда один из них намеревается жениться. Ну а в-третьих, постоянное созерцание светящегося от счастья Мэтью ещё больше причиняет боли его ране, нанесённой недавним расставанием с одной девушкой, имя которой предпочтительно было бы умолчать.

Но все эти проблемы – потом. Сейчас утро, солнце лишь едва-едва вошло в их квартиру. Пусть Лео поспит, скоро ему предстоят тяжёлые деньки.

1

Утро летнего дня. Лео ненавидит его всей душой за его бестактность. Так грубо нарушать сонный покой в столько ранний час было очень невежливо со стороны солнца. До звонка будильника ещё остаётся два часа, а ты уже продрал глаза – приятного здесь мало. Лео натянул на уши одеяло, но под ним было жарко. Одним словом, мучение! Но не только солнечный свет рушил его общение с Морфеем – за стеной громкие звуки составляли прекрасную пару беспардонному солнцу. Сквозь дремоту стало понятно: это Маттиас пришёл со своей новой квартиры и собирает вещи. Вот она, реальность! Спать дальше было уже невозможно, проблемы текущие и грядущие захлестнули голову Лео, и он решил окончательно – пора вставать. Отключив будильник, он вышел в коридор.

– Мэт, ты окончательно поехал головой! Часы видел? Ещё только шесть, а у нас в квартире полный переполох.

– Ха, чувак, ну извини! Ждать, пока ты проснёшься, было невозможно, – съязвил Маттиас.

– Можно было бы подождать хотя бы час-другой, – пытался ухватиться Лео, но было тщетно – сбор вещей шёл полным ходом.

Осмотрев комнату друга, Лео понял, что не узнаёт её. Исчезли плакаты со стен, куча вещей уже переместилась в коробки и ждала своего часа для переезда в новый дом или на свалку.

– А Лола не пришла?

– Я здесь!

Лола вышла из ванной. На ней была какая-то старая растянутая футболка и такого же вида джинсы. Волосы собраны в пучок, древние кеды выдавали её возраст. Не то чтобы этот вид контрастировал с её повседневным обликом, но было понятно, что она собирается заняться тяжким физическим трудом.

– Ты нам не поможешь, Лео? Нужно вынести все эти коробки в фургон. Мы его сняли буквально на пару часов, так что нужно торопиться, – пояснила она.

Лео недолюбливал Лолу. Сначала она забрала его друга – Маттиас не мог ни о чём думать, кроме как о ней, и не мог проводить время иначе как с ней. Потом она утащила его в новую квартиру. За этим последовал тотальный переезд и ворох проблем, связанных с поиском нового соседа. Теперь вот она врывается ни свет ни заря, и буквально принуждает его, Лео, таскать все эти ящики в немыслимом темпе. Издевается, по-другому и не скажешь.

– Ладно, – неожиданно сдавшись, ответил Лео, – сейчас переоденусь и помогу.

Через пять минут он, нагруженный парой коробок, тащил их вниз по ступеням в фургон. Удивительное изобретение – лифт. Он полностью изменил понятия о доме и архитектуре. Ещё удивительней его отсутствие. Когда тебе нужно что-то принести или вынести из дома, ты проклинаешь всех и вся за то, что на твою долю легли тяжёлые испытания переноски вещей. Выйдя из квартиры, Лео чуть было не перевернул свой велосипед, припаркованный прямо на лестничном пролёте. Ну что за напасть!

Фургон ждал сразу возле входной двери. Небольшой фольксваген способен вместить всю большую жизнь Маттиаса, ну, или как минимум ту, что была проведена в этом доме. С Лео спустилась и Лола, она открыла двери фургона, и две коробки нажитого скарба поместились прямым ходом в его внутренность.

– Лео, я оставляю эти два мешка. Посмотри, может, тебе что-то из этого нужно, а если нет, то я всё выброшу.

Лео взглянул на содержимое мешков. Старая настольная лампа, кассетный проигрыватель. Лео помнил тот момент, год назад, когда Маттиас принёс домой этот проигрыватель

и несколько старых, в основном кустарных записей ранних Rolling Stones и чего-то там ещё, купленных на барахолке на старом заводе, превращённом в арт-пространство и лофты. Маттиас тогда светился от счастья, будто нашёл какое-то сокровище, и гордо заявил, что оно досталось ему ни много ни мало за две монеты. Слишком низкая цена для такой находки. А позже, в тот же вечер, они курили травку при свете этой самой лампы, слушая Paint it black от 1969 года на этом самом кассетнике, и неистово смеялись. Теперь эти воспоминания предполагается погрузить в мусорный ящик.

Чуть порывшись, Лео взял себе три вещи – велосипедный шлем, старую книжечку и подставку для ручек. Остальное пусть горит в аду свалки за городом. Сборы продолжились. Все трое поочерёдно носили вещи наружу, в фургон, практически не разговаривая друг с другом. Для Маттиаса этот момент был также тяжёлым. Но, в отличие от Лео, по окончании переезда его ждала свадьба и затем – счастливая семейная жизнь.

– Кстати, кто-нибудь ответил на объявление? – спросил он Лео.

– Ещё не смотрел, но нужно проверить, – ответил ему тот.

Лео достал телефон и проверил почту. Было два ответа на объявление о съёме квартиры. Первое было абсолютно бесполезным – несмотря на явный факт, что сдаётся лишь одна комната, какие-то два брата спрашивали, когда они смогут посмотреть свои комнаты. Второе было от девушки по имени Мария, которая сразу заявила, что ей двадцать два, она изучает лингвистику, но собирается вселиться аж в ноябре. Это было слишком поздно, и Лео не мог потянуть так долго эту квартиру сам, даже если бы к окончанию осени приехала бы эта Мария. Да и кто знает, может, к ноябрю он бы находился в отношениях, и приезд загадочной Марии был бы некстати. Кто знает?

– Нет, ничего путёвого. Я не знаю, Мэт, если до середины сентября никто не найдётся, то мне придётся сваливать отсюда. Либо искать вторую работу, что отнюдь не вариант.

– Ничего, чувак, всё решится. Эта хата очень крутая, не будь летних каникул, на неё бы очередь записывалась бы.

– Да, на каникулах никого найти невозможно. Знаешь, я разлюбил лето. То есть в школе это, безусловно, самое лучшее время года, а вот сейчас понимаю, что лето приносит с собой больше проблем, чем отдыха от них.

– Ты слишком критичен. Посмотри на вещи с другой стороны, не будь так однокбок. У всех есть проблемы, и ничего страшного не будет, если тебе придётся съехать. Можешь пожить у нас какое-то время, не вопрос. Не нужно так переживать только из-за того, что пока никто не ответил.

Безусловно, проблема была не только в этом, и Лео удивился, что Маттиас не совсем его понимает. Будущее жизни с новым человеком в соседней комнате его страшило. Он знал Маттиаса с последних трёх лет их школьной жизни, они вместе выросли, вместе радовались своей молодости, открывая день за днём что-нибудь новое. Он знал почти все секреты Маттиаса, а он, в свою очередь, знал все секреты Лео. Теперь жизнь разводит их по разные стороны.

– А ты спрашивал у всех друзей? Может, кто-то да знает человека, которому позарез нужна комната?

– Спрашивал. Хотя, погоди, ещё с Томом не говорил по этому поводу.

– Том? Ты до сих пор не спросил Тома? Он должен был быть первым, к кому следует обращаться с таким вопросом. Поверить не могу, что ты до сих пор у него ничего не узнал!

– Да, это моё упущение. И он-то знает очень много человек в округе, должен подсказать кого-нибудь. Сегодня увижу его после обеда в художке.

– Ну вот, видишь, не всё так страшно, – утешил друга Маттиас.

Том работает вместе с Лео в художественной школе. Они ведут курсы графики у детей и подростков до шестнадцати лет. Но так как Том изучает графику в художественной академии и вообще рисует гораздо лучше, то он преподаёт у старшей группы, тогда как Лео

достались в основном десятилетки. Но это лишь то, что касается дневной жизни. С закатом Том превращается в самого знаменитого тусовщика города или даже страны, хотя, возможно, и больше. У него потрясающая харизма, нестандартное мышление, море подписчиков в «Фейсбуке» и ещё больше контактов в телефоне. Том – мастер вечеринок, Том – катализатор общения. Любой, кто начнёт разговор с незнакомкой с фразы «О, а ты знаешь Тома?», обречен на успех, ведь кто не знает Тома в этом городе? Ведь ничто так не сближает, чем разговор о местной знаменитости. Лео повезло гораздо больше остальных – он дружил с Томом, работал с Томом, часто бывал у него дома, а тот – у них с Маттиасом. Через Тома они узнавали о самых крутых закрытых тусовках города и были знакомы со всеми, с кем нужно быть знакомым, чтобы самому иметь успех и популярность. Так что тем более становится непонятным то, почему Лео не подумал о возможной помощи от Тома, когда у него возникла проблема с поиском соседа.

Неожиданно обнадёживающая мысль удачно наложилась на зашедшее в окно солнце, и душа наполнилась теплом. Мгновенно забыв о какой-либо неприязни к переезду Маттиаса и присутствию здесь Лолы, Лео схватил коробку, причём самую большую из всех, и пулей выскочил на улицу. Пара ходок – и весь основной багаж Маттиаса был погружен. Оставалось кое-что по мелочи, что Маттиас обещал забрать в ближайшие дни.

- Вау, чувак, а ты сможешь так же нам помочь выгрузить всё это барахло?
- Ты серьёзно? Я ведь даже не завтракал ещё.
- Отлично, у нас и позавтракаешь. У нас есть блинчики и всё такое прочее.
- Ладно, поехали.

Все трое погрузились в кабину фургона и уже через двадцать минут подъезжали к новому жилищу Маттиаса и Лолы. Ещё через сорок минут весь скарб был перемещён в их новую, ещё не обставленную толком квартиру, и Маттиас поехал отвозить фургон на стоянку проката, которая находилась в пяти минутах от дома. Лола взялась за разогрев завтрака, тогда как Лео осматривал их новые апартаменты. Всё здесь было иным, чем в их совместной с Маттиасом берлоге. Спокойные цвета стен, добротно сделанные полы, посуда, аккуратно сложенная по ящикам, отсутствие беспорядка с обувью в прихожей. Квартира была в самый раз, чтобы разменять здесь свой четвёртый десяток и продолжить дальше стремительно прощаться с молодостью. Вскоре квартира наполнится детским плачем, сласшавой попсой, скульптурками из ИКЕА, одеждой из Marks and Spencer и запахом домашней выпечки. Скоро, очень скоро обитатели хипстерских квартир станут для Маттиаса с Лолой слишком молодыми, их вкусы – слишком дерзкими, а музыка – слишком громкой и бессвязной. И да, они будут называть ту молодёжь хипстерами, тут ничего не изменить. Их жизнь наполнится умеренностью, серостью медленных будней, восьмичасовым рабочим днём и походом в парк по выходным. «Чушь собачья, – подумал мимолётно Лео, – такого просто не может быть!» Что ж, Лео, самообман – лучшее лекарство от жестокости этого мира.

- Лео, ты будешь взбитые сливки к блинчикам? Или лучше апельсиновый джем?
- Не откажусь ни от того, ни от другого. Тебе помочь с чем-нибудь?
- Залей пока сливки в сифон, да, из этой пачки. Спасибо.

Лео было неловко проводить время наедине с Лолой, он ждал спасительного возвращения своего друга, но, к счастью, Маттиас не заставил себя слишком долго ждать.

– О, Мэт, забываю спросить – тебе нужны будут те виниловые пластинки, которые мы держим в коридоре?

- Безусловно! Там ведь много всего крутого! Даже не думай ничего оттуда взять!

«Тест пройден на отлично», – подумал Лео, и на душе снова заиграли лучи надежды. Солнечные лучи, впрочем, тоже заиграли на столе и полированной поверхности сифона для сливок.

– Я всё думаю о вечеринке по случаю переезда, – начал Маттиас, запихнув в рот только что разогретый блинчик. – Наверное, начнём у нас, а потом пойдём в «Стрекозу».

– Неплохо. Сколько думаете людей позвать?

– Человек двадцать пять, – внезапно для Лео ответила Лола. Так как она не сильно ладила с компанией друзей Маттиаса и Лео, как, впрочем, и компания не ладила с ней, число двадцать пять говорило об очень долгих и жарких переговорах, упрёках, капризах, надутых губах и, наконец, о полной капитуляции Лолы перед лицом неминуемой вечеринки. Лео подумал, что весьма вероятно то, что первоначальное число, озвученное другом, было около пятидесяти или даже больше.

– Двадцать пять человек, почти половина из них университетские, – продолжил Маттиас, – будет много девушек, подруг Лолы, так что не теряй шанса, дружище!

Лео на мгновение ощутил себя хозяином этой квартиры с бледно-голубыми обоями и шторами в горошек. Потенциальные отношения с одной из подруг Лолы, безусловно, очень бы способствовали скорейшему переезду Лео из уютного гнёздышка, увешенного плакатами, в подобный музей-выставку продукции ИКЕА. Хотя, правды ради, стоит отметить, что Лео не был знаком с этими подругами, так что среди них могла оказаться вполне себе адекватная девушка, которая бы разделяла его воззрения на мир, массовую и альтернативную культуру и кулинарно-курильные предпочтения.

– Интересная мысль, – очень обтекаемо и старомодно заметил Лео. – А когда вы планируете всё это устроить?

– Через две недели примерно. Кстати, подумай, кого можно было бы привести, чтобы вечеринка удалась.

– Тома – обязательно! – воскликнул Лео.

– Это и не обсуждается, без него вечеринка не вечеринка. Он уже есть в списке.

– Братьев Дрен не забыли?

– Конечно нет! Как же можно забыть? Они такие прикольные ребята! Надеюсь, что они ещё музю подвезут.

Сомнений не было, это была реплика Лолы. Лео смотрел ей в глаза и не узнавал её. Так долго и так мучительно жестоко она рушила всё, что было создано за многие годы его с Маттиасом дружбы и проживания в общей квартире. Её образ жизни был антиподом их образа жизни. Она ценила мейнстрим, она любит рано ложиться спать, она строит карьерные планы на десяток лет вперёд. Собственно, их с Маттиасом встрече и не суждено было быть, не сломайся её велосипед напротив помещения, где они с Лео гуляли на вечеринке. Маттиас помог ей с цепью и педалями, провёл домой, закатил велосипед в гараж и зафрендил на прощанье в «Фейсбуке» и «Инстаграме». Случайность, чья-то злая шутка, ставшая роковой. После этого бунтарь постепенно умирал в Маттиасе, он стал реже ходить на вечеринки с артхаусным кино и экспериментальной музыкой и начал больше времени проводить в клубах, где тусуются в основном те, кто не может по достоинству оценить новаторство и радикализм, заменяя это простенькими битами и рифмами. Иначе говоря, он начал взрослеть. Безусловно, никто не питал беспочвенных надежд, что молодость вечна, и Лео стоически воспринял то, что его друг стал встречаться с девушкой из, как он выражался, «альтернативного общества». Более того, он был всячески рад за Маттиаса, про неудачную личную жизнь которого не шутил разве только ленивый. Тогда Лео ещё встречался со своей пассией, они даже пару раз ходили вчетвером в кино, а после – пили вино на крыше. Девушка Лео также заразилась бациллой среднего человека и умеренности и бросила Лео ради средненького парня, который больше времени проводил в спортзале, чем за размышлениями о смысле жизни. Проще говоря, буквально через пару месяцев со дня той злополучной встречи с поломанным велосипедом Лео приобрёл в лице Лолы серьёзного врага, солдата разрушительной армии, которая, не останавливаясь ни перед чем, сокращает любые проявления инаковости. Причём врага не открытого, так бы было даже

проще, если бы их взаимная неприязнь была публичной, но врага скрытого, ибо никто, даже самый пронизательный человек, не мог разглядеть эту антипатию, а порой даже и ненависть к ней. Заметим, что эти антипатия и ненависть были взаимными. Лола не раз намекала, что Лео слишком инфантилен, что он плохо влияет на Маттиаса, что его музыкальные вкусы слишком кичливые, его искусство слишком банально и требует развития, и что вообще Лео стоило бы уделять больше времени учёбе и карьере, чем своим похождениям по тусовкам с сомнительными людьми с не менее сомнительными взглядами. Высказывалось же это в столь изощрённой форме, что никто, абсолютно никто не мог увидеть этих упреков, кроме Лео. Теперь же Лола второй фразой подряд убивала эту вражду, хотя до её полного уничтожения было слишком далеко.

Не выдержав, Лео сказал:

– Ты серьёзно? Ты хочешь пригласить братьев Дрен?

– А что в этом не так? – будто бы удивившись, ответила Лола. – Они талантливые ребята, их все любят, и вы вроде неплохо общаетесь с ними.

– Сто процентов, братья Дрен нам нужны, – подытожил Маттиас, – не могу дождаться увидеть всех вместе, их, Тома, ребят из группы. Это будет зверская вечеринка, запомните: звер-ска-я!

– Я тоже вся в предвкушении! Люди будут говорить об этом несколько месяцев подряд. Все ваши друзья в «Стрекозе» – это точно будет лучшая вечеринка. Правда, Маттиас?

– Конечно, детка, – коротко ответил Маттиас, глаза которого выдавали, что он уже витает в облаках.

– Но есть одна проблема, – заметил Лео. Порой ему присущи качества кайфолома, что он открыто признаёт, но пытается с этим бороться. – Ведь сейчас лето, и многих просто нет в городе.

– Пока ты тут разглагольствуешь, я написал Жозефу Дрену, он в городе и будет вместе с Карло! Так что крутой вечеринке – быть!

– Ура! – воскликнула Лола.

– Чувак, это нереально круто! Как он написал? Покажи, покажи!

– Вот, смотри, – ответил Маттиас и дал телефон Лео. – Все будут: Том, Дрены, Марго и компания, а остальные пусть жалеют, что укатили из города.

– Нужно обязательно придумать общий тег, чтобы каждый постил фотки с этим тегом.

– Что-то типа «Большой свал»?

– А что, если просто «Они сваливают»?

И это тоже была Лола. Она менялась на глазах. Лео подумал: а что, если всё его отношение к ней было обманом? Что, если она совсем не плохой человек, просто несколько своеобразный, что, безусловно, не грех? Что, если он рассматривал Лолу сквозь призму своих разбитых отношений? Мысли текли рекой, как бывает, когда пересматриваешь философию какого-нибудь деятеля. Лола становилась для него приятным человеком. По крайней мере, в этот момент, пока они потягивали свежесваренный кофе, запивая им блинчики.

– Может, сделать вечеринку более тематической? Нужно будет подумать над этим. И я также займусь видеорядом. Это будет мой вам подарок к переезду.

– Спасибо, Лео, нам с Мэтом будет очень приятно.

– Действительно, чувак, очень благодарен за это.

– Покажем видосы в «Стрекозе», также спрошу Тома, сможет ли он организовать какое-нибудь шоу. Ну, он же многих знает. Братья Дрен, может, что-нибудь придумают. Заеду к ним по пути.

Братья Дрен долгое время подрабатывали диджеями по вечерам, а днём чинили и собирали велосипеды. Их инди-техно и шоссейники пользовались колоссальным успехом. Скопив немного денег и закончив университетское штудирование, они решили не искать себя вне

любимого и знакомого района и открыли заведение, где совмещали оба своих хобби. Заведение горделиво носило знакомое всем жителям города имя «Дрен», днём выполняя функции велосипедной мастерской, а вечером – бара с потрясающими треками. Братья за долгие годы обзавелись кучей последователей и подражателей, которые приходили в «Дрен» в надежде научиться мастерству сборки велосипедов или на крайний случай мастерству композиции индигитроники. Братья, будучи доброй души ребятами, конечно же, делились опытом, а самым продвинутым диджеям даже уступали пульт на вечер, тем самым получая время побродить по другим заведениям города, чтобы самим набраться нового опыта или просто найти пару-тройку новых друзей. Лео давно собирался к ним закатить – подправить цепь и ещё пару велосипедных штук, поболтать о том, об этом и, если повезёт, предложить им купить одну из своих последних картин, которая, безусловно, очень бы подошла к интерьеру заведения, а именно неплохо украсила бы собой стену позади барной стойки. Так думал Лео. Теперь же у него появился шанс получше, ведь братья Дрен просто помешаны на музыке и с удовольствием помогут с треками для вечеринки своих друзей. Ну, и картину купят, конечно же.

Немного ещё поболтав, допивая кофе, Лео попрощался с Маттиасом и Лолой. Он решил пойти домой пешком, заодно заглянув в кебаб, чтобы купить себе что-нибудь на обед. Выйдя оттуда с тёплым свертком, он неспешно пошёл домой, по пути встречая знакомых и разглядывая витрины. Достигнув, наконец, дома, Лео ещё раз оглянул полупустую квартиру. «Ну а что, – подумал он, – для смены обстановки я перееду в комнату Мэта, а в мою пусть заселится новый сосед». Найдя эту мысль для себя довольно приятной, Лео ещё раз проверил почту, но ни одна душа не высказала своего желания быть его соседом.

К Дренам Лео решил ехать после обеда, когда посетителей в их заведении будет меньше и никто не помешает беседе. До этого времени он решил немного попрактиковаться в живописи маслом, приготовив холст и краски. Вдохновение посетило его достаточно внезапно, и идеи витали в его голове, но эти идеи не имели никакой законченной формы. Он видел цвета, буйство красок, линии, но скорость полёта мыслей была столь высока, что распознать в этой кутерьме хоть что-нибудь отчётливое было решительно невозможно. Лео стал наносить линии на холст, питая надежду найти содержание по ходу работы. Словно из далёкой памяти, стал вырисовываться дом, деревья, улица. Цвета были лёгкие, яркие, мазки выходили пёстрыми, кроткими. Мгновение спустя Лео понял, что мозг диктует ему воспоминание его детства. Создающаяся на холсте улица до боли напоминала ту, где Лео провёл первые несколько лет своей жизни. Он не помнил её во всех деталях, но лишь некоторые из них остались в памяти. В возрасте шести лет он переехал с родителями из Восточной Европы. Он слабо понимал свой родной язык, так как с головой окунулся в новую среду, поощряемый родителями. Они искали новой жизни и хорошего заработка, а Лео, подобно воздушному шару, отпущенному ребёнком, нёсся за потоком ветра судьбы, поднимаясь всё выше и выше, улетающая прочь из среды своего происхождения. Там, далеко внизу, скрываемая облаками, осталась та улица детства и первые друзья, с которыми он знакомился возле горки и качелей во дворе. Теперь их разделяют не просто километры, а целые судьбы, которые разнеслись по разные стороны. Увы, воздушный шар жизни был так высоко, что разобрать прежнее было невозможно. Образы стали исчезать из головы Лео, вдохновение улетучилось, а без него рука, наносящая краску на холст, стала как будто бы парализованной. Отложив в сторону кисти, Лео стал собираться к Дренам.

«Как же неловко предлагать друзьям купить свою работу. Но Жозеф уже давно требовал картину и обещал выплатить честный гонорар, который в данное время был бы так кстати. Какую бы цену назначить за картину?» – меркантильные нотки заполнили вакуум мыслей. Братья Дрен были людьми небогатыми, но они ценили искусство и знали толк в живописи. Лео считал, что работа, которую он хочет им предложить, безусловно, тянула на шедевр, хотя он понимал, что столь высокомерная оценка своего творчества может и не найти отклик у других

людей. «Нужно быть реалистичным, Лео», – фразу, которую он слышал в отношении себя довольно-таки часто, повторил он сейчас для самого себя.

Через несколько мгновений картина для Дренов была упакована, и осталось только перекусить уже остывшим обедом. Запив еду соком, Лео вышел на лестничную площадку, закрыв за собой дверь. Прикрепив надёжно картину к велосипеду, через пару минут он встретил улицу, а ещё через двадцать минут уже закатывал велосипед в «Дрен». Зайдя внутрь, Лео обнаружил, что посетителей почти нет, за исключением девушки, которой помогал Карло, младший из Дренов.

– Привет, Карло, – поприветствовал он друга.

– О, здорово, старик! – поздоровался тот в ответ.

– Ты один сегодня, Жоза нет?

– Жозеф вышел купить пиццу.

– Уже слышал новость?

– О вечеринке у Маттиаса? Конечно! Мне Жозеф сказал, только жаль, что всё это будет аж первого сентября! Не могу дождаться.

– Да, я тоже. Причём удивительно, что Лола включилась в организацию и, похоже, хочет этой вечеринки больше Мэта, – поделился своими впечатлениями Лео.

– О как!

Не успел Карло произнести эту фразу, как в распахнувшуюся в рывке дверь вошёл старший Дрен, держа в руках две коробки с пиццей и полуторалитровую бутылку колы без сахара.

– О, Лео! – воскликнул он.

– Жоз! Сто лет тебя не видел!

– Круто, что ты зашёл! Смотрю, ты с велосипедом. Что-то случилось с ним?

– Да, небольшая проблемка с цепью и вот с этим креплением, не посмотришь?

– С превеликим удовольствием! Хочешь пиццу?

– Спасибо, буквально пять минут назад уже поел. А вот от кофе не откажусь.

В уголке у барной стойки стояла превосходная кофемашина. Она была очень дорогой и представляла гордость заведения. Зайти среди дня к братьям Дрен, поболтать по пустякам, поменять лампочку велосипедного фонаря и выпить чашечку эспрессо – это можно было смело занести в список обязательных туристических аттракционов города, ведь так много людей пользовались этой возможностью, чем увеличивали и без того непомерную славу братьев. Добавляло шика это ещё и тем, что оба брата обладали феноменальной памятью и помнили имена и истории всех своих посетителей.

– Я сделаю четыре чашки. Фиона, ты будешь? – спросил Карло гостившую в заведении девушку

– Да, спасибо, не откажусь, – скромно ответила она.

– Мне тут недавно Маттиас писал, у них будет вечеринка в честь переезда, – начал Жозеф.

– Ага, не могу поверить, что Мэт свалил. Но вечеринка будет знатным утешением.

– Только почему такая маленькая толпа? И почему они решили так скромно погулять в «Стрекозе»?

– Действительно, можно было бы у нас, – продолжил младший Дрен, – и места у нас больше, если вынести эти шкафы, конечно, и колонки мощнее. Короче, организацию вечеринки берём на себя.

– Вау! Я как раз хотел вас спросить, не сможете ли вы подобрать треки.

– Без проблем, Карло уже имеет пару новых треков, которые мы ещё не крутили, так что премьеры будет специально для Маттиаса.

– Это супер, ребята! Сейчас же напишу Мэту.

Пока Лео строчил сообщение, Жозеф заметил картину, которая так и осталась на багажнике.

– А что это за картина у тебя? Не та ли, которую я хотел у тебя купить?

– Да вот, написал недавно... Думал, может, вам понравится, – скромно ответил Лео. Его завышенные амбиции редко сходились с его особенно утончённой скромностью. Распаковав свою работу, он вручил её в руки Жозефу.

– Неплохо, чувак, – с видом эстетствующего знатока сказал тот. – Я бы за нее восемьдесят дал, если тебя устроит.

– Было бы неплохо. По рукам!

– Повесим её на ту вот стену.

«Та стена», на которую хотел повесить картину Жозеф, была, естественно, не «той стеной» за стойкой бара, где видел в своих мечтах эту картину Лео. Теперь ей предполагалось висеть на стене рядом с дверью в подсобку, но стоило ли возмущаться, тем более что цена, за которую братья покупали картину, оказалась в два раза выше той, которую хотел запросить её автор.

Энтузиаст Карло тут же взялся за молоток, чтобы не затягивать с размещением произведения.

– Хорошая картина, – отметила вдруг Фиона. – Так ты художник?

– Нет, я физику изучаю, пятый семестр. А рисование – моё хобби, когда накрывает вдохновение.

– Он ещё на курсах преподаёт, но для малышей, – добавил Карло.

– Ну, они не такие уж и малыши, шестиклассники в основном.

– Как интересно. А я в хоре пою, а рисовать вообще не умею, – смущённо сказала Фиона, но, чтобы скрыть это лёгкое смущение, она продолжила, – а что за вечеринку вы устраиваете, ребята? Если не секрет?

– Ха-ха, это не секрет. Мой друг и сосед переезжает жить в другую квартиру, и в честь этого события и будет эта вечеринка. Ну, ещё и в честь того, что он скоро женится, и это что-то типа «вечеринка помолвки», или как-то так. Это всё через две недели будет, первого сентября. Если хочешь – приходи, думаю, ребята будут не против.

Последнюю фразу Лео сказал наугад, он ведь прекрасно понимал, что каждый человек в списке приглашённых тщательно обсуждался Маттиасом с Лолой и являлся предметом безусловного компромисса. Однако тот факт, что вечеринка может перебраться из менее тесноватой «Стрекозы» в более просторный клуб Дренов, давал право пригласить пару-тройку друзей и знакомых и тем самым ещё более насытить вечеринку энергией. По крайней мере, именно такое оправдание своему спонтанному поступку придумал Лео через мгновение после данного приглашения.

– Вау, я бы с удовольствием! Спасибо за приглашение. Я пока не знаю, какие у меня планы, но обещаю подумать.

– Я запомнил, – ответил Лео. – А как тебя найти, если что?

– Пиши в «Фейсбуке» – Фиона К.

– Отличненько, – несколько растянуто промолвил Лео, тут же зафрендив Фиону в «Фейсбуке», – я тебе напишу по ходу дела.

Чуть он убрал телефон в карман, как тот завибрировал – сообщение от Маттиаса: «Посмотрим, нужно обсудить с Лолой» – значилось там.

– Он хочет обсудить с Лолой.

– А что тут обсуждать? – неожиданно взорвался Жозеф, – его приглашают в самое крутое заведение города, но он собирается что-то обсуждать!

– Я не понимаю его в последнее время. Влияние Лолы, тут ничего не попишешь, – развёл руками Лео.

– Она его сильно изменила. Так всегда бывает: чуть ты находишь девушку – и уже через неделю ты не крутой парень, а слабак, который консультируется по поводу каждого шага, – заметил Жозеф.

– Простите, но это вы, парни, делаете нас рабами ситуации. И почему вы считаете, что не нужно спрашивать мнения у своей половинки, если ты собираешься устроить вечеринку? Почему мы должны слепо следовать любому вашему капризу? – вдруг резко, но полушутя выдала Фиона.

– Когда идёт речь о крутой вечеринке, тут не место для обсуждения. Это вопрос вкуса – либо ты ценишь крутизну момента, либо ты его не ценишь. Если ты его не ценишь, то в тебе рождаются сомнения, и ты идёшь консультироваться к девушке, чтобы найти в её отповеди оправдание для своей неуверенности дать трезвую оценку ситуации. Ну, и мы не будем спорить, что любовь и отношения, подобно вину, делают наши оценки менее трезвыми, – высказался Лео.

– Всё верно, – продолжала парировать Фиона, – любовь подобна вину, и его не принято смешивать с другими напитками, например, пивом, которое прекрасно подходит для друзей, или вискарём, которым можно обозначить случайных знакомых. Нет, мы пьём вино и наслаждаемся им, тем более что мы пьём вино не в одиночку, а вместе с самым близким и дорогим человеком, и когда одному хочется сменить напиток, то наиболее корректно спросить мнения своего возлюбленного, а не подливать в бокал недопитого вина пильснер.

– Я не уверен, что понял эту аналогию с алкоголем, – так попытался разрядить ситуацию слабый в аналогиях Карло, – но хочу заметить, что Маттиас действительно сильно изменился за последнее время, и он практически исчез из общественной жизни – ни на вечеринках его нет, ни на концертах. Я его лишь пару раз за месяц видел, и то оба раза совершенно случайно. А ведь когда-то он просто не выходил из этого заведения, готов был тут сутками просиживать да лясы точить. По такому Маттиасу я скучаю.

– Я тоже, – вздохнул Лео.

– И я. Нам не хватает тебя, наш друг Маттиас! – обращаясь к невидимому Маттиасу, сказал Жозеф. Закончив фразу, он резко повернулся, подбежал к бару, достал четыре холодных пива и, откупорив бутылки, раздал присутствующим.

– За дружбу, – громко произнёс он, – пусть пиво никогда не заканчивается в наших жизнях!

– За дружбу!

– За неё, мать её!

– Э, Карло, тут девушка!

– Ничего страшного.

– Сорри, Фиона, но тебя я считаю одной из нас.

– Мне это льстит.

– Карло, просто лучше помолчи. Выглядит так, будто ты хочешь сказать, что Фиона абсолютно непривлекательная и ты рассматриваешь её только в качестве друга.

– Ну, знаешь ли, Жозеф, это лучше, чем откровенно клеиться. Так что спасибо за честность, Карло! За дружбу!

И тут она подмигнула ему, подняла руку с бутылкой, затем сделала большой глоток.

– Ну, знаешь ли, Фиона, – начал Жозеф, – может, он ночами не спит, а всё думает о тебе?

– Это правда?

Фраза попала в точку, лёгкий троллинг зажгёт щёки Карло и погасил глаза Лео – Фиону он нашёл симпатичной, но спорить ради неё со своим другом ему не хотелось.

– Ладно, я запутался во всех этих ваших схемах, аллегориях, недосказанностях, скрытых подтекстах. Почему бы людям не быть проще? В простоте вся сила! Кто проще, тот и мощнее, – попытался сменить тему Жозеф.

– Это почему ещё? – возразил ему брат.

– За своими якобы премудростями ты прячешь элементарную трусость. Тебе не хватает смелости просто сказать человеку «Я люблю тебя» или «Я тебя ненавижу», «Ты мне нравишься» или «Ты отличный друг». Нет, ты громоздишь башню из аллегорий, эвфемизмов: «Ты подобна бутылке вина, а я ведь так люблю вино, особенно сухое». А вдруг окажется, что ты – человек слабый во всём этом словесном строительстве и всё, что ты имел в виду, – лишь то, что ты хотел бы выпить с этим человеком винишка, а твой собеседник, ведомый лингвистическим флёром, уже понапридумывает себе черт знает что!

Все нашли эту фразу достаточно забавной и остроумной. Лео же подумал, что в принципе Жозеф прав! Как много раз он, Лео, старался скрыть свои эмоции, свои симпатии и антипатии за стеной громоздких фраз, и сколько раз он не находил ответа в своём собеседнике. Чем ярче была эмоция, тем сложнее и выше выстраивалась стена из фразеологизмов, эвфемизмов, синонимов, тем сложнее было разгадать эту фразу человеку, для которого она предназначалась. Лео оставался непонятым, но зато со стеной из никому не нужного словесного хлама.

– И вот подумайте, – продолжил свою мысль Жозеф, – как много времени мы тратим на эту свою неуверенность в словах и эмоциях? Если ты чего-то хочешь, так и скажи это: «Я хочу» – всего два слова. Нет, ты начинаешь тянуть время, начинаешь нервировать своих друзей этими «Я подумаю», или «Я ещё не решил», или как сейчас – «Мне надо спросить у Лолы». А сам-то ты чего хочешь? И ведь что интересно: ну поговорит он с Лолой – и что дальше? Скажет ему Лола, что гулять у нас – хорошая идея, так он начнёт строчить поэмы, что, мол, мы подумали и вообще, решение было тяжёлым, бла-бла-бла, короче, если вас не затруднит, мы были бы рады провести вечеринку у вас. И вся эта галиматья вместо короткого «да». А если Лола будет против?

– О, друг, тут ещё сложнее, – подхватил мысль Лео, – тут начнётся буквально словесный шторм, спасите наши души! Он напишет, что идея замечательная, но вечеринка, мол, долго обговаривалась и обсуждалась, и вообще, ему стоит учитывать мнение Лолы и идти на компромисс, ведь он почти что женатый человек, и они не хотели бы никого расстраивать, хотя находят идею провести всё в «Дрене» весьма и весьма привлекательной, но в «Стрекозе» было бы намного лучше, хотя и не настолько лучше, чем в «Дрене», но чуть лучше ведь там... что там? Там что-то, что безумно нравится Лоле, и вообще, делает это она наперекор нам, и прочая ахинея. Кто-то посчитал количество слов?

Карло показал две оттопыренные пятерни:

– У меня закончились пальцы на второй фразе, и ещё закончилось пиво. Кто-то ещё будет?

– У меня есть.

– А я не откажусь.

– «А», «я», «не», «откажусь» – всего четыре вместо короткого «да». Это то, о чём я говорил, – произнёс Жозеф под одобрительный смех. – И мне захвати, Карло.

– Короче, ребята, пока план остаётся прежним: готовим всё у вас, и я очень сильно постараюсь убедить Мэта и Лолу, ну, на случай форс-мажора. Они должны согласиться. Просто обязаны. Подумайте только – если мы так редко видим Мэта на вечеринках сейчас... ну, вы все, я-то его вижу каждый день, вернее, видел, то что будет потом, после переезда? Эта вечеринка – словно похороны, только веселее.

– Да уж! За нашего друга Маттиаса! Да упокоится его душа в истории этого района! – съязвил Жозеф.

– За него!

Не успели они закончить тост, как дверь открылась и в заведение вошли двое посетителей, вваливая свои неуклюжие велосипеды.

– О, Марин и Дамиан! Рад вас видеть, как вы, ребята? – как обычно горячо поприветствовал своих клиентов Жозеф. Пить дальше пиво и обсуждать жизнь было бессмысленно, да и Фиона начала собираться.

– Мне пора, ребят, была рада познакомиться, – сказала она, обратившись к Лео. С нетерпением жду вечеринки!

– Да, было приятно познакомиться, я напишу ещё детали, – ответил он ей.

– Спасибо, пока!

– Пока.

– Пока, Фиона! – протянул ей на прощанье Карло.

Было видно по его далеко устремлённому взгляду, что эта девушка для него действительно что-то значила, в голове у него наверняка рождались какие-то планы, идеи, тактики и стратегии.

– Так между вами что-то есть? – спросил напрямую Лео

– Нет, пока ничего. Но, чувак, она мне безумно нравится, просто безумно! Она такая... такая свежая, какая-то оригинальная, необычная. Она не похожа ни на кого, что-то совершенно космическое! Да, она – девушка с Марса, я таких ещё не встречал!

Обилие эпитетов выдавало влюблённость. Лео ничего не оставалось, кроме как порадоваться за друга. Порадоваться за ещё одного друга, которого охватила любовь.

– Мм, давай, чувак, действуй! Она и вправду особенная. Желаю тебе с ней успехов!

– Спасибо, дружище, спасибо! А у тебя что? Есть уже кто-то?

– Пока никого. Полный ноль, пустота и одиночество. Может, это всё из-за этого переезда? Знаешь, мне тут нужно нового соседа искать, и я ума не приложу, кого найти, и кто этот человек вообще будет... Эта неопределённость просто сводит меня с ума!

– Представляю. А у Тома спрашивал?

– Не-а! Том, конечно же, должен быть первым в списке тех, кого нужно спросить в таком случае, но я почему-то о нём не подумал.

– Эх ты, болван! Не мучай себя – спроси у Тома, и дело с концом!

– Ахаха, точно, ты прав!

Карло пошёл помогать брату со вторым велосипедом. Лео допил своё второе пиво, глядя в окно, затем оставил несколько монет в банке для общественных нужд заведения и начал прощаться.

– Ладно, чуваки, очень был рад всех вас видеть! Но нужно гнать, сегодня ещё работа, буквально через час, – объяснил он свой уход.

– Давай, Лео, тоже были рады тебя видеть!

– Пока! Не забудь спросить Тома и выкинь чушь из своей головы! Нам твоя голова ещё понадобится для организации вечеринки! – подмигнул ему Карло.

– Хорошо, обещаю, больше никаких проблем! Только вечеринка!

– Только она, мать её!

На этом они попрощались. Лео выкатил велосипед на улицу и поехал домой, счастливый приятным общением, вырученными за картину деньгами и полный идей для предстоящей вечеринки. «Только бы Лола не дала маху», – крутилось в его голове. Но что оставалось делать? Скрестить пальцы и держать кулаки. Всё должно получиться! Всё обязано пройти идеально! Лучшая вечеринка района, которая выкинет Маттиаса за его пределы.

Лео взял курс к своему дому. Ему нужно было собрать вещи – альбом, пастель, пару учебников – сегодня он намеревался дать урок по цвету. Зайдя домой, он бросил взгляд на незавершённую картину. Попытался напрячь мозги – но ничего не выходило, образ застрял в голове неоконченным, и ему требовалась муза для рождения шедевра. Муза ещё, видать, спала и не знала, как остро Лео нуждается в её помощи. За отсутствием музыки время шло неминуемо, и Лео уже опаздывал на работу. Впопыхах накинув кардиган, он выбежал на улицу

с перекрученной лямкой рюкзака, прыгнул на велосипед и с почти что бешеной скоростью устремился в художественную школу.

2

Странный этот период – конец августа. Вроде ещё тепло, даже жарко, а день уже короче: ты только задумал пройтись с друзьями по аллею, поедая мороженое или попивая холодное пиво, а золотистый цвет предзакатного солнца уже окутывает город словно лёгкой паутиной. Как будто смотришь триллер, где все герои ещё веселятся, но ты-то знаешь, что неминуемо вылезет маньяк-убийца и разрушит всю идиллию. Так же и с августом: все наслаждаются летом, весь город будто в безмятежном танце, но пройдёт каких-то несколько дней – и все будут кутаться в пальто и куртки, стараясь спрятаться от серости сентября с его холодным дыханием. Но пока – август, пусть же лето сыграет в полную силу свои финальные аккорды!

Велосипеды с невозмутимой лёгкостью обгоняют пешеходов, всё тонет в сладкой ленивой неге. Люди возвращаются из отпусков, заполняют свои профили в соцсетях миллиардами фотографий морских путешествий, видео с прогулками по лесам и горам, всюду встречаются весёлые отдохнувшие лица. Город после знойного июля оживает, бары, кафе и рестораны обновляют меню и дизайны сайтов, вывесок, клубы освежают плейлисты, витрины магазинов меняют своё содержимое. Нет, город ещё не готов к плотной работе и серьёзности, но приступает к ним постепенно, еле дотрагиваясь. Раз – и начинают свою работу какие-нибудь курсы, два – и вам приходит сообщение, что спортзалы готовы вас принять после летнего отпуска, три – утром через открытые окна вас будит крик и смех детей, спешащих в школу или детский сад. Всё оживает, одаривая друг друга бодростью и свежестью.

Вот и Лео, отдохнувший весь июль и пол-августа, теперь спешит на своём велосипеде на курсы в художественную школу, чтобы преподать урок живописи своим юным подопечным. Они же, в свою очередь, преисполнены вдохновения и впечатлений от поездок с родителями в разные концы света. Так с новой энергией после каникул они приступают к занятиям. Лео, как и любой преподаватель в этот августовский час, готов выслушать все их занимательные рассказы о летних путешествиях, необычных местах, экзотической еде и тому подобное. Можно ли сказать, что эти рассказы так уж интересны для Лео? Конечно же, нет, но, будучи человеком творческим и эмоциональным, он найдёт в них много вдохновения для своего преподавания и новые идеи для изобразительного искусства своих учеников. Пока же он особо не думает обо всём этом, изо всех сил стараясь успеть к началу занятия, обгоняя прохожих, автомобили, минуя деревья и фонарные столбы.

Но Лео повезло, он практически не опоздал. Спешно припарковав велосипед, наш герой пулей вбежал в здание. Художественная школа, в которой он работает, занимает весь первый этаж четырёхэтажного жилого здания, имея вход со стороны дороги. В ней было три класса – два для живописи и один для скульптурного мастерства, небольшая приёмная и зал с кухней, где обычно проходили небольшие выставки и вернисажи творчества учеников школы. Оба класса живописи работали в три смены, класс же скульптуры ограничивался двумя занятиями в день. Помимо Лео и Тома преподавали искусство две девушки – Лу и Марго. Все они, за исключением Лео, были профессионалами своего дела, то есть учились, либо уже окончили художественную академию. Лео в эту компанию попал случайно: год назад он делал татуировку у мастера, который оказался парнем Марго. Разговорившись и поняв, что Лео срочно нуждается в работе (а Лео всегда и во всём нуждался срочно – будь то поиск работы, соседа, идеи для гулянки и всё тому подобное – уж таков его характер), он позвал его на вечеринку, где познакомил с Марго и владельцами художки. Этим владельцам – 38-летнему художнику-графику и его жене-ровеснице – принадлежали две школы в городе, и они оба предпочитали работать во второй, чем дарили необычайную вольницу Лео и его коллегам. Посмотрев на той вечеринке несколько его работ, они незамедлительно приняли решение взять Лео в штат. Подобный поворот судьбы в своё время вызвал удивление у многих друзей и знакомых – ведь кто мог

подумать, что инфантильный мечтатель Лео со своими художествами смог зацепить профессионалов. Тем не менее вот уже год, как Лео преподаёт, хотя за этот год ему доверяли только десятилеток. Более младшей группы в этой школе не было – группа от шести до десяти была на полном попечении владелицы школы. В то же время взрослые группы были в руках Лу, Марго и Тома. Несмотря на то, что Лео безумно хотелось заниматься с учениками постарше, его просьбы будто никто не слышал, постоянно обещая другую группу в будущем. Тем не менее время шло, и его ученики прикипели к своему чудаковатому преподавателю, который всегда вбегал в класс, на минуту опаздывая, с перекошенными очками, рюкзаком на одном плече и развязанными шнурками. То же самое повторилось и сейчас: когда Лео оказался в здании, он слышал, как Том уже начал свой урок у старшей группы, и нос к носу столкнулся с Лу и Марго – девушки работали в основном днём и пили кофе с Томом до начала вечерних курсов, а потом шли по домам либо спешили по каким-то делам.

– Привет, Лео, и пока, хорошего урока! – обычная их фраза, которой они встречали запыхавшегося Лео.

– Привет, девчонки, и пока. Был рад вас видеть!

– Увидимся где-нибудь!

– Непременно!

Последнюю фразу он буквально прокричал, добегая до класса.

– Всем привет! Поздравляю с началом занятий. Очень рад вас всех видеть! – отбарабанил он.

– Мы тоже, Лео!

– Привет!

– Как отдохнул летом?

– Спасибо, очень хорошо, но в городе. А вы как?

– Я был у бабушки

– А меня в летний лагерь отправили.

– А мы...

– Ой-ой, всё очень интересно, но мы не успеем начать урок. Давайте после занятий каждый расскажет, где был, за чашкой чая, окей? – поспешил прервать шум и гам Лео.

– Давай! – хором прокричали дети.

– Итак, есть ли у нас в группе кто-то новенький?

Новеньких не было. «Ну и хорошо, – подумал Лео, – так будет проще, сразу перейдём к цветопереходу».

– А есть ли у нас в группе отсутствующие?

И таковых не оказалось, на радость Лео. Он не сильно любил повторяться и объяснять предмет по два раза. Это как с картиной, объяснял Лео: есть подлинник, а есть копия. Первое объяснение – всегда лучше, ведь это подлинник. Тем, кто пропустил занятие, достаются копии. Вроде то же самое, но не так круто, как оригинал. Да и копировать гораздо скучнее, чем творить, поэтому каждый раз, когда группа была в полном составе, сердце Лео охватывала радость.

– Что ж, дорогие мои, сегодня мы с вами приступим к очень сложной теме, но одновременно очень интересной – цветопереходу. Помните, как в прошлом году многие из вас, если не все, испытывали проблемы, когда нужно было в одном предмете перейти от одного цвета к другому?

Дети смущённо кивнули. Ещё бы – никому не хочется громко сознаться в своём несовершенстве, тем более детям.

– В мае вы меня забросали кучей вопросов о том, как нарисовать море на закате, когда было множество цветов и оттенков у воды. Сегодня мы постараемся решить эту проблему. Хотя море мы рисовали акварелью, но достаньте пастель, мы начнём с неё.

Ученики послушно полезли в свои рюкзаки и мешки и достали пастель с альбомами. У двоих пастели не оказалось, и Лео выдал им школьные запасы. Порывшись в кладовой, Лео нашёл шар, один полюс которого был зелёный, другой – жёлтый, и цвета плавно переходили друг в друга, так что экватора было не различить. Обычный резиновый мячик, на самом деле, с которым так любят играть собаки на прогулке. Этот мячик и предполагалось нарисовать детям, тренируясь в цветопереходе. На демонстрационном мольберте он изобразил то, что имел в виду, объясняя в деталях технику. Затем попросил детей повторить рисунок в своих альбомах, себе же выкроив время для интернет-серфинга.

– Лео, посмотри, я правильно делаю?

Это задавала вопрос Мария. Она была прилежной ученицей, с задатками таланта и в то же время неуверенности. Талант перерастал в технику, неуверенность – в кучу вопросов, на некоторые из которых даже Лео не был в состоянии дать ответ. Заметив, что Лео помогает Марии, о помощи попросил её сосед по парте, а затем сосед соседа, и так всему классу вдруг оказалась необходима поддержка и консультация учителя. Про интернет на некоторое время пришлось забыть.

Наконец, справившись с простым мячиком, Лео нашёл своим ученикам более сложное задание – фотографию замёрзшего на морозе окна, в которое светило солнце и где белый, синий и серый имели градиент и плавно перетекали друг в друга. Эту фотографию теперь требовалось изобразить ученикам. Лео раздал каждому из них по своей собственной копии изображения и дал понять, что те, кто не справится с рисунком на уроке, вынуждены будут закончить его в качестве домашнего задания. Таковы уж были правила школы. На следующий урок дети будут демонстрировать свои художества и решать, у кого работа получилась лучше всех, присвоив победный балл. Тот, у кого будет больше всего баллов к Рождеству, получит бесплатный билет от школы в художественный музей. Собственно, ничто так не мотивирует к труду, как возможность приза, пусть самого пустякового, но наличие приза увеличивает мотивацию до небес, если, конечно, уподобить мотивацию дереву, которое растёт, питаемое стимулами.

Дети стали рисовать, а Лео прохаживался по рядам, помогая и подсказывая тем, кто делал ошибки или нуждался в его помощи. Всего через каких-то шесть-семь лет эти повзрослевшие дети займут его квартиру и квартиру его соседей. Всего через так немного времени они будут определять течение жизни и будут нуждаться в работе, тусовках, музыке, косячках и дешёвом бухлишке с приятелями. На их нынешних лицах ещё толстым слоем лежит невинная застенчивая детскость, но скоро она сойдёт, и взгляд их наполнится серьёзностью, первым цинизмом и первой болью утрат и поражений. Очень скоро жизнь им преподнесёт первые болезненные уроки, а также и по-взрослому приятные уроки. Они станут большими, они станут такими, как Лео, Лу, Марго, Том, Магтиас, Лола, Жозеф, Карло и другие. Они их заменят. Но они – не другое поколение, они что-то среднее, поэтому и разница между ними и друзьями Лео будет не так бросаться в глаза. Сейчас они восторгаются Лео и считают его своим старшим приятелем. Приятелем, который взрослый и крутой, который поможет, подскажет, пошутит. Через шесть-семь лет он станет для них старпёром, время которого безнадежно ушло, хотя Лео в тот момент будет всего-то чуть около тридцати. Жизнь, ты слишком скоротечна, момент, ты слишком беспощаден. Но урок уже подошёл к своему завершению, поэтому – прочь, долой томные мысли! Впереди ещё две недели августа, впереди ещё вся жизнь!

Дети стремились побыстрее покинуть класс. Лето есть лето, а дети есть дети, и даже любимое хобби, такое, как рисование, не может надолго задержать их в помещении. Даже обещанный рассказ от Лео о его, в общем-то, скучно проведённом лете остался забытым и ненужным. Через пару минут класс опустел, и Лео стал собирать свои вещи обратно в рюкзак. Вдали коридора он слышал, как прощается со своими более взрослыми и умелыми учениками Том, а значит, вскоре можно будет поговорить о том о сём за чашкой кофе. Зайдя в комнату с кухней, Лео и занялся его приготовлением, щедро насыпав ароматной смеси с кофемашину.

– Кто у нас здесь? – раздался жизнерадостный возглас Тома, – неужели сам учитель года вернулся?

– Здорово, мужик, как же я скучал! – за этими словами последовал вполне искренний брохаг.

– Как ты, старик?

– Отлично, но лето у меня, по всей видимости, выдалось гораздо скучнее твоего, – вздохнул Лео.

– Охотно верю. Ты даже себе представить не можешь, какой отменный вышел трип! Брюссель, Амстердам, Лилль, Париж, за ним Мадрид, Порто с Лиссабоном и ещё неделька в Италии. Я за всю свою жизнь столько не путешествовал, как за это лето! И везде – тусня! Самые крутые люди Старого Света, старик, кого я только не встречал! Телефон просто ломится от новых контактов, а значит, все следующие месяцы до следующего лета они будут приезжать сюда, к нам, и наши тусовки выйдут на новый уровень. Просто улёт! Тебе точно понравится!

– Вижу, ты весь вдохновился этой поездкой.

– Не то слово! Я будто другим человеком вернулся. Новый взгляд на вещи, новые идеи. Я уже выдал Джо задумку переделать клуб, а завтра я иду помогать Марго с её садом, сделаем там что-то типа опен-эйра до самой зимы, но самый прикол – мы поставим там импровизированный тату-салон! Можно будет мутить новые татухи прямо во время вечеринки. А послезавтра будем украшать внутренний дворик Лу – хозяин дома уже дал согласие на гирлянду, лежаки и пространство для огня.

– Это всё звучит абсолютно восхитительно, ты собираешься переделать весь город, а всего-то поездил по старушке Европе.

– Я не просто поездил, я соединился с нею! Теперь все эти хостелы в старых домах, студенческие клубы, маленькие пабы, арт-пространства стали частью меня. Хочешь – верь, хочешь – не верь, но дороги назад нет. Том вернулся, детки, готовьте ваши штанишки к приключениям!

– Ха-ха, ну эти твои фразы остались неизменными, чему я нескончаемо рад

– Классика всегда должна быть в мужчине. Кто-то носит костюмы с галстуками, кто-то не может вылезти из дизельного авто, а Том классичен своими знаменитыми крылатыми фразами. Есть занятие для старости – написать книгу с полным перечнем всех моих афоризмов, которые уже будто нараспев повторяет весь город.

– Старость никогда не придёт, мужик! Не могу представить тебя старым.

– Хочешь сказать, я вне времени?

– Что-то типа того. Ты – как твоя неубиваемая клетка на всех твоих рубашках вместе с велосипедной шапкой: хоть в начале двадцатого века носи, хоть в конце двадцать первого – всё будет нормально. Поэтому зашли тебя сейчас в молодые годы Боуи – никто ничего необычного не заметит.

– Не в такие уж и древние времена ты хочешь меня заслать. Я бы с удовольствием слетал в двадцатые – джаз, золотые времена!

– Даже и там твои странные усы будут вполне уместны. К сожалению...

– Мне показалось или кто-то лопнул от зависти?

Растительность на лице была большой проблемой Лео. В мечтах он видел себя то с пышными хендлбарами, то с мощной ламбертовской бородой. В реальности же кожа покрывалась только еле заметной эспаньолкой и ни на что другое, увы, не соглашалась. Неоднородность растительности на его лице, наверное, выдавала неоднородность его отношения к ней у других людей, что выражалось в перепадах от жгучей зависти к обладателям густых бород и усов к постоянной насмешке над нелепостью форм, которую эти самые обладатели придавали этим самым бородам и усам. Том же перепробовал всё – за год он мог спокойно отрастить и сорокасантиметровую бороду, и сбрить её, оставив усы, завив их в самую замысловатую форму.

Подобные метаморфозы вызывали дикий восторг у девушек и неоднозначную реакцию Лео, который проклинал себя за неимение подобного природного дара. Однако же природа, будучи заядлой шутницей, лишила Тома волос на голове и в то же время наградила Лео пышной шевелюрой. Поэтому Том уже несколько лет подряд носит не снимая велосипедную шапку, а Лео же отрастил себе волосы до плеч, стараясь этим привлечь к себе внимание. Однако же перемены бород и усов Тома были более эффектными.

– Нет, я не завидую. Просто пытаюсь намекнуть, что раз у нас в городе начались перемены в тусовочной жизни, то пора уже и отказаться от этого жуткого хендлбара, – пожал плечами он.

– Это заявление звучит справедливо, не скрою. Однако если на наших новых вечеринках бочка с пуншем вдруг превратится в машину времени, мне нечем будет щеголять в середине двадцатых.

– Ох, уверен, ты как-нибудь выкрутишься. Смог же ты как-то найти популярность в нашем нелепом времени.

– А ты продолжаешь считать наше время нелепым?

– Конечно же! Не будешь же ты спорить с тем, что мы превратились в поколение копировальных машин. У нас всё копии и миксы копий – музыка девяностых вперемешку с одеждой шестидесятых. Вот, очки, зацени, – Лео дал Тому свои новые солнцезащитные очки. – Как думаешь, какой год?

– Год этак 86-87-й, – протяжным голосом завсегдатая блошиных рынков ответил Том.

– Год сегодняшней.

– Та ну! Слишком удачная копия.

– Это М. Б. делает в своей мастерской.

– Выглядит супер.

– Ещё бы! Ведь это ж копия под восьмидесятых, а раз копия, то, значит, круто.

– Не соглашусь. Мы не копируем, мы вдохновляемся. Не помню, кто сказал, но история не повторяется – она рифмуется. Мы берём лучшее из старого и даруем дух нового. Только так может существовать культура, понимаешь? Ренессанс, неоклассицизм, неоготика. Ты можешь себе представить ар-деко, не вдохновляйся его создатели Реймским или Кёльнским собором?

– Это немного другое. Вдохновляться – не значит копировать. Вот если бы в тридцатые всё застроили копиями Реймского собора, было бы жутко. А так, взяли пару линий и форм, но это всего лишь десять процентов. Остальное – новые идеи. А мы что делаем? Девяносто процентов копии и десять – новой идеи. Так быть не может, – возмутился Лео.

– И где же выход, друг мой? – спросил его озадаченный Том.

– В революции.

– Когда начинаем свержение власти?

– Хоть сегодня! Не могу больше терпеть власть копии и подделки. Долой примитивизм, да здравствует новая культура!

– Ты слишком долго смотришь на «Ютьюбе» политические баталии, – вздохнул Том.

– Они меня вдохновляют. Для меня преступно бездействовать. Разве ты не чувствуешь в себе энергию битников и хиппи? Разве тебе не хочется смести со стола весь этот сервиз ширпотреба и неоригинальности? Мне вот кажется, что современная культура кормит нас одним и тем же блюдом уже много-много лет. Музыка не меняется кардинально, литература эволюционирует, а должна революционировать. Про архитектуру я вообще молчу.

– В твоих словах есть истина, но кто твои товарищи по революции? Не будешь же ты сметать массовую культуру в одиночку? У Гинзберга с Берроузом и то друзья были, – продолжал ехидничать Том.

– А ты разве не со мной?

– Дружище, я лишь Том, великий тусовщик, но не более.

– И ты думаешь, этого недостаточно?

– Сделать революцию в клубах, барах и опен-эйр вечеринках? Хороша будет такая революция.

– Она должна быть везде! Полная перемена сознаний. Новая музыка, новые слова, новые движения. Меняйся, мужик, меняй других. У тебя есть влияние! Просто тусить уже недостаточно, нужно переворачивать этот мир!

– Повешу лампочки во дворе у Лу – вот моя революция. На всё остальное у меня очень простой ответ – лень. Не могу и не хочу с ней прощаться, так что извини. А от тебя слишком веет максимализмом.

– А ты знаешь, я хочу пронести максимализм сквозь годы. Да, я хочу быть таким инфантильным, легкомысленным романтиком-революционером, который пишет странные картины, как меня обычно называют. А разве не такими были те же самые Гинзберг с Берроузом? А Керуак? Чувак колесил по стране, бухал и тусил, а его короновали королём поколения. И не будь он безбашенным максималистом, разве знали бы мы какого-то Керуака? Сколько таких было в их время? Тысячи, сотни тысяч, даже миллионы. А пятерка человек сменила весь ход времени.

Было видно, что пламенная речь Лео о максимализме битников зажгла что-то в Томе. Он задумчиво вглядывался в окно, но глаза его горели, будто речь шла о настоящей революции, и Том чувствовал себя соратником Кастро, когда тот так же вдохновенно обещает ему новый мир, лишь только они доплывут до Кубы на ветхом судёнышке с такими же студентами-романтиками.

– Решено! – громко сказал Том, резко повернувшись в Лео, – я буду участвовать в твоей революции!

– Ура! Новый мир! Ты уже не за горами, – воскликнул Лео.

– Итак, каков план?

– Для начала нужно сделать супервечеринку для Мэта и Лолы.

– Ах да, я забыл совсем. Он писал мне, что хочет нечто подобное устроить, ещё когда я был в отпуске. Но в чём революционность, мой друг? Вечеринка не предвещает никакого большого действия. Стандартная «прости-прощай» для старых друзей.

– Всё так, за исключением того, что за дело взялась Лола. Мне кажется, она наконец-то решила на большую муть.

– О-го-го! А не разыгрываешь ли ты меня? – воскликнул Том.

– Вовсе нет, мужик! Будут Дрены, будут Марго, Лу, будет много кто ещё. Весь движ – у Дренов!

– Звучит как что-то нереальное.

– Мэт ещё, конечно, в раздумьях, типа нужно посоветоваться с Лолой и всё такое, но то, что произошёл тектонический сдвиг, – бесспорно. Так что, дорогой Том, эта вечеринка будет самым подходящим местом для начала революции!

– Это точно, это точно. Сколько ж они собираются пригласить человек, раз гулянка у Дренов?

– Изначально они вообще хотели в «Стрекозе» закрытую тусовку на двадцать пять человек, но теперь, думаю, сможем взять и все пятьдесят.

– Если вечеринка закрытая, то будет немного не то. Нужен масштаб, нужны свежие лица, – задумчиво ответил он Лео.

– Я уже пригласил тут одну Фиону... – начал было Лео.

– Одну? – оборвал его Том. – Ещё раз услышу что-то подобное – оставлю тебя делать революцию самому. Ладно, я позабочусь о народе. Будет то что надо!

– Спасибо, мужик!

– Революция так революция! Кстати, а неплохое название для вечеринки?

– О да! Но думаю, что это сильно революционно для Лолы, прости за тавтологию.

– Извинения приняты, – наигранно высокомерным голосом ответил Том. – Окей, за название и теги я тоже берусь. Что ещё, что ещё... Оформление! Чтоб я лопнул, если позволю Дренам, или тебе, или ещё не дай бог Мэту оформлять заведение! Всё на мне, короче!

– Ахах, это круто, чувак.

За разговорами о предстоящей революционной вечеринке Лео чуть не забыл о главном, что необходимо было обсудить с Томом.

– Да, Том, – начал он, но остановился, так как лицо Тома опять излучало озабоченность и задумчивость. Какие только вихри мыслей не носились сейчас в его голове! Поездка, которая так впечатлила Тома, уже в прошлом, а лучшая вечеринка города ещё пока в будущем, и Тому стоит больших усилий построить мост в своём сознании между двумя этими событиями.

– Говори, – оторвался от своих мыслей Том.

– Тут такое дело: раз Мэт сваливает, мне нужен новый сосед, ты не знаешь никого, кому бы срочно нужна была хата? Срочно – потому что я максимум смогу дотянуть до середины сентября.

– Дай подумать, дай подумать... – ответил Том, добавив к своим глубоким измышлениям ещё одну нагрузку. – Хм... ты ж понимаешь, я отсутствовал и мало кого знаю с такой проблемой. Но вроде Алиса искала жильё.

С этими словами Том полез в телефон, чтобы найти в нём сообщения от Алисы. Как бы ни старался при этом вспомнить какую-нибудь Алису Лео, но припомнить он не мог.

– Да, точно! Ей нужна квартира, но на полгода, пока она не разберётся со всеми делами. Она типа сваливает из города вскоре, какие-то семейные проблемы. Ты же помнишь её?

– Честно говоря, ума не приложу, кто такая...

– Здравствуй! Ты её видел, такая блондинка с короткой стрижкой, мы тогда ещё тусили в «Греге».

– Так это она? Я не знал, что её зовут Алисой, странно, что мы не познакомились.

– Ты чего-то стеснялся и решил накатить, но быстро опьянел, и Мэту пришлось увести тебя домой. Удивительно, что ты всё это забыл.

– Да уж... – неловко и коротко ответил Лео.

– Ладно, написал я Алисе, она как раз готовится к переезду и к началу сентября приедет.

– Окей, хорошо.

– Больше пока пообещать никого не могу, так как ещё каникулы и всё такое, но если кто-то найдётся, то дам знать.

– Добро, мужик, спасибо, ты сильно меня выручил! – вздохнул с облегчением Лео.

– Не за что! Отплати мне тем, что ты действительно не потеряешь свой максимализм, смешанный с инфантильностью. Иначе без них ты превратишься в самого скучного мудака на земле.

– Да брось ты!

– Ахах, ладно, пора уже валить отсюда и закрывать школу.

– Да, пора идти.

Погасив свет, Лео и Том вышли из школы, заперев двери. Взяв каждый по своему велосипеду, они попрощались и разъехались в разные стороны: Лео – домой, а Том – на какую-то маленькую вечеринку к каким-то малознакомым ему людям. Стоит ли знать хорошо людей, которые тебя приглашают, если ты – местная знаменитость? Вопрос этот волновал кого угодно, но только не Тома.

Лео катил не спеша и двинулся в первую очередь к супермаркету. Вечером он планировал продолжить рисование или почитать книжку, но и то и другое лучше делать на сытый желудок, и желательно имея при этом бутылочку красного вина или крафтового пива. Супермаркет, в который он вошёл, был переполнен покупателями, а это означало бессмысленно потраченные полчаса жизни, проведённые в ожидании своей очереди. Набрал в корзинку всего необхо-

димого, Лео стоически занял своё место в веренице таких же голодных и обречённых людей. Выбор был сделан в пользу чёрного пива местного пивзавода, – недорого и вкусно. В очереди же Лео обнаружил пару-тройку знакомых и, перекинувшись с ними парочкой в общем-то пустых фраз, незаметно для себя достиг кассы. Расплатившись, он погрузил свои приобретения в багажник велосипеда и поехал дальше, к своему дому.

В голове играла песня, ненавязчивая мелодия с не менее ненавязчивыми словами, где-то ненароком услышанная, однако авторства, равно как и обстоятельств, при которых песня была услышана, Лео припомнить не мог. Вместе с песней в голове снова появился сюжет его неоконченной картины. Удивительно, как наш мозг умеет выдавать серьёзные вещи на основании совершенно банальных и порой несвязанных друг с другом явлений, запахов или звуков: вот ты заходишь в кондитерскую, и тонкий аромат марципана возвращает тебя к рождественским каникулам, и ты вдруг вспоминаешь, как обещал какому-то знакомому приехать в гости к Новому году. И хоть на дворе уже и лето, но абсолютно тривиальный запах марципана бросает тебя в пот от твоей собственной необязательности, беспамятства и невежливости. И уже забыта цель прихода в кондитерскую (ведь не за укорами совести ты же сюда пришёл!), а ты и на пирожные смотреть не можешь, всё думаешь, обиделся ли тот твой знакомый на такую бестактность с твоей стороны или же нет. Короче говоря, загадка ещё та этот мозг. Но не успел Лео окунуться в потоки своей фантазии, как за поворотом оказался его дом, и он, пыхтя, тащит свой велосипед и продукты на последний этаж, к своей квартире.

Поставив велосипед у стенки, он услышал что-то до боли знакомое, буквально шорох, мимолётный звук, который вдруг одарил его теплом старых добрых времён. Хотя, с другой стороны, не таких уж и старых, ведь последний раз подобное случалось в конце весны, а до этого продолжалось целый год: Лео возвращался с художки, а дома его, вместо спокойного, тихого и безмятежного вечера с книжкой или кинцом, ждал бурлящий океан жизни, состоящий из новых треков, заразительного хохота Маттиаса и каких-то новых знакомых, которых по доброте душевной Маттиас вёл в их квартиру. И вот уже нужно распрощаться с приятной мечтой о тишине чтения, запиваемого травяным чаем, и нужно готовиться к вечеринке, с кучей бухла, непрерывным потоком музыки, шаржами, селфи, горой чипсов и сэндвичей, а затем – к совместному походу в какой-нибудь бар или клубешник, и так до утра, до первых лекций в университете, где будет безумно тяжело справиться с похмельем и сонливостью.

С переездом Маттиаса это всё осталось в прошлом, с чем Лео уже смирился, однако теперь он замер у входной двери, ведущей в квартиру, где очень и очень явно звучали разрывающиеся за дверью сцены из прошлого – громяющая музыка и непопадающий ни в какие ноты голос Маттиаса, пытающегося подпеть новой песне. За дверью раздаётся запах чего-то горелого, будто бы снова, как и несколько месяцев назад, Маттиас забыл про сыр в духовке, и теперь от него осталась лишь чёрная сажа.

На то, чтобы оставаться снаружи, не было никаких сил, поэтому Лео поспешил открыть дверь и ворваться в ожидающую его кутерьму, сам не понимая, почему всё это решило возродиться вновь. На кухне, как он и предполагал, был Маттиас, в комнате Лео орала колонка (так как Лео больше смыслил в технике, чем его друг, то и колонки у него были лучше, чем у Маттиаса, поэтому музыка всегда играла из комнаты Лео, а устройства Маттиаса пылились, пока наконец не переехали в новую квартиру, где Лола загружала их работой по выдавливанию звуков плаксивой попсы). Маттиас не заметил прихода Лео, поэтому продолжал подпевать песне, старательно пытаясь спасти уже сгоревшее нечто, отчасти напоминающее рагу. Кроме же Маттиаса, как заметил Лео, в квартире никого больше не было.

– Эй, старик, что случилось? Лола тебя выгнала или ты решил порадовать меня своими кулинарными шедеврами? – крикнул ему Лео.

– Ха, не дождёшься! – ответил Маттиас, сделав музыку тише. – Лола пошла к какой-то подруге на день рождения. Там всё равно девичья обстановка, поэтому я метнулся сюда, чтобы забрать свои пластинки, ну и пива с тобой бахнуть.

На столе стояли несколько бутылок пива разных сортов и бутылка недорогого рома. Маттиас редко пил пиво только с пивом, в его понимании это было бессмысленно, поэтому пенящемуся напитку часто составляли компанию его крепкие друзья – ром, вискарь или на худой конец водка. «Гулять так гулять», – пояснял в таких случаях Маттиас. Однако с появлением в его жизни Лолы дни трезвости стали случаться всё чаще и чаще, плавно переходя в недели и дальше, возможно, в месяцы.

– Блин, мужик, я очень рад этому! Как в старые времена прям, – оживился Лео, – у меня тут салат, чуть фруктов, салями, ну и пиво тоже есть.

– Отлично! Старая добрая вечеринка!

– Старая добрая вечеринка! Кто-то ещё придёт?

– Я никого не звал. Да и не хочу пока. Ещё нагуляемся, а сегодня – только я и ты.

– Понятно, влияние Лолы даёт о себе знать всё сильнее, – съязвил Лео.

– Ты слишком критичен к ней. Да и я своё отгулял, – вздохнул в ответ Маттиас.

– Мэт, тебе же только двадцать пять, всё лучшее – впереди.

– Мне уже двадцать пять, всё лучшее – позади. Теперь меня интересует домашний уют, стабильность и всё такое.

– Смотри рюши не начни носить, бабулька!

– Эх, Лео, Лео, ты слишком инфантилен, повзрослеешь – поймёшь.

– Звучит по-стариковски, как ни крути. А у нас с тобой, между прочим, и года разницы нет в возрасте. Сечёшь, да? Твоя душа стареет, а это уже приговор.

– Я перехожу к лучшей жизни, серьёзной взрослой жизни. Но я не меняюсь внутри, посмотри – я всё тот же, я всё ещё твой дружище Мэт.

– Хотелось бы верить.

– Не сомневайся, всё супер, всё идёт как надо. Кстати, рагу хочешь? Если убрать эту гарь, то вполне нормально.

Оба засмеялись на этой фразе и открыли по бутылке пива.

– За тебя! Чтоб ты не менялся!

– За нас тогда уж!

– Окей.

И они оба сделали по большому глотку пива, за которым последовали несколько молчаливых мгновений, прерываемых музыкой в комнате Лео. Группа Wolf Alice сквозь пространство и время распространяла басы своей Silk. Маттиас первым нарушил молчание:

– Видел, ты начал новую картину, вроде неплохо получается.

– Да, буквально сегодня стартанул, но пока нет конечной идеи, так, полёт мыслей.

– Но что же ты тогда хочешь изобразить, если не знаешь своей конечной цели? Знаешь, я давно уже пришёл к выводу, что это главная проблема современного абстрактного искусства – оно не несёт в себе конечную цель. Как кто-то может понять твоё произведение, если ты не знал, что творишь? Отсюда все эти недопонимания, догадки, мол, «а может, это вечернее небо?» – «да нет, это просто тарелка супа». То есть может быть всё что угодно, и попробуй разбери. Не поступай так, дружище! Ты талантливый чувак, не поддавайся на эту фигню с абстракцией и отсутствием смысла.

– Вот ты загнул! Конечно, ты же знаешь, что я не поклонник многих явлений в современной культуре, но живопись даёт мне надежду! В каждом произведении есть идея, и полёт мыслей вовсе не означает её отсутствие. Ты не задумывался, что, может, цель современного искусства вовсе не показать статичное явление – вот, мол, дом, а вот – дерево, а показать динамику – смотри, вот дом, перетекающий в дерево, и думай-гадай, почему так.

– Это идиотизм. Извини, но по-другому не скажу. «Дом, перетекающий в дерево», надо ж такое выдумать!

– Это просто пример.

– Вот с музыкой всё понятно

– С музыкой всё то же самое, – парировал Лео. – Жанр потерялся, потерялся и смысл текста, осталась форма, динамичная форма, которую мы воспринимаем. Если бы музыка была статична, то мы не далеко ушли бы от кантат Моцарта. А так у нас есть разнообразие жанров, и всё потому, что у нас есть динамика форм.

– Это не динамика. Вот в чём динамика этой композиции?

– А ты разве не слышишь? Тоже мне, эксперт-музыкант! Начало – будто из космоса, будто летит комета или метеорит, середина – что-то земное, обыденное, ритмичное, концовка – вот она сейчас играет – будто уносит нас обратно с грешной земли. Неужели непонятно?

– Нет, это только твоё мнение, старик. Моё мнение – композиция вполне простая и... как ты говоришь? Статичная, вот! Двое в тёмной комнате, за окном – ночь большого города, фонари горят и носятся редкие машины. Они вдвоём, но между ними ничего не происходит. Постепенно он кладёт свою руку на её руку, она прижимается к нему, он приблизит её другой рукой, она – его в ответ. Ничего не происходит больше – всё те же двое, всё те же фонари за окном и пустая тёмная комната, никакой динамики и космоса. Надо ж было такую чепуху сказать – кометы с метеоритом!

– Ну-ну, и что дальше? Дальше возникает ритм, это что – секс, по-твоему?

– Началось! Где ты тут секс услышал? Лёгкий поцелуй – вот и весь ритм, это ритм сердца, чувак! Эх, давно ты живёшь одиночкой, совсем не понимаешь элементарных романтических штук.

– Звучит, знаешь, как?

– Ну, скажи, как!

– Как блевотно-клубничное суфле! Лёгкий поцелуй. Чувак, там ритм! Р-И-Т-М, там нет лёгкости, а потом ритм спадает, это как, по-твоему? Он её легко поцеловал и убежал? Бред, согласишься! Динамика, масштаб, полёт – вот что там.

– Слишком банально. Услышал чуть разные темпы – и давай про космос сочинять. А представь, что ты смотришь кино, и всё та же сценка – лёгкое прикосновение, взаимность, потом поцелуй, взаимность – и дальше уже всё понятно по сюжету, так ведь? И дальше уже не нужно показывать, навязывать сцену, все всё поняли, за исключением, быть может, тебя. Камера отдаляется, они целуются, темп спадает. Как тебе, а?

– Ладно, сдаюсь, звучит убедительно, – согласился Лео, который уже потерял нить разговора.

– Слишком просто сдался! – возмутился Маттиас.

– Лучше дай мне ещё пива.

– Может, лучше ромчика?

– Окей, давай его.

Маттиас разлил ром по стаканам и разломил шоколад. По его восторженным глазам победителя диспута читалось, что он хочет продолжения беседы в том же духе и на ту же тему.

– Возвращаясь к твоей картине...

– О нет, пожалуйста, перестань! Мы не найдём компромисс.

– Найдём, найдём! В споре рождается истина. Вот смотри, старик, ты начал с улицы – довольно странный ход, не находишь? Неужели улица у тебя – центральный сюжет? Уверен, что нет, если ты ещё совсем с катушек не съехал. Просто твоя голова пустая, в ней нет новых идей, и ты начал рисование с такого банального сюжета, как улица. Кто твой центральный персонаж? Это он или она? Как выглядит? Чем занимается? Каково его предназначение для картины?

В чём вообще смысл? Куча вопросов, чувак, а ответов – ноль! Улица – и всё! И ещё кривая такая, типа абстрактная. Стоит ли вообще рисовать с отсутствием задумок?

– Вот ты любишь судить о книге по обложке, а о картине – по первым мазкам. У меня идея есть, Мэт

– И в чём же она? Мне пока не ясно.

– Что-то засело у меня в голове, будто из прошлого, есть какой-то образ, который я хочу поймать.

– Это ещё типа до твоего переезда сюда?

– Да, что-то оттуда, из глубины. Я не помню, что конкретно, есть только какие-то краски, оттенки, даже формы нет. Вот помню эту улицу, и на ней были какие-то эмоции у меня, совсем детские, элементарные эмоции, а какие – хоть убей, не вспомню.

– Так надо было сначала вспомнить, а потом рисовать. Салют!

– Салют! Вот что мне в тебе нравится и злит одновременно – твоя противоречивость.

– Если нравится и злит, то противоречия в тебе, старик, – ответил Маттиас, выпив ром залпом.

– Ну вот опять. Ты можешь быть философом, рассуждать о таких темах, в которых остальные просто падают от переизбытка мудрости, а потом – бац! – и всё сводишь к каким-то таким простым вещам, настолько глупым и неуместным, что другие люди не понимают, что произошло. Как? И всё? Философия кончилась? Серьёзно? И в чём же суть? Поэтому тебя мало кто понимает.

– Мне достаточно, что меня понимает Лола и пара-тройка самых близких друзей.

– Я тебя порой тоже не понимаю...

– Это всё потому, повторю ещё раз, потому, что ты витаешь в облаках, ты слишком легкомысленный и мечтательный. Да, меня некоторые недопонимают, потому что они думают тривиально: вот началась философия, значит, ею всё и закончится. Многие почему-то думают, что дальше в речи будет всё только сложнее и сложнее. А тут – на тебе! И старик Маттиас всё вынес на поверхность – вот вам правда-матка, кушайте с аппетитом!

За этими словами Маттиас разлил по ещё одной порции рома и разбавил его долей апельсинового сока. Вечер переходил в серьёзную стадию, что не могло не радовать Лео, который ощущал себя вполне счастливым за этими пьяными философствованиями со старым другом, в их старой квартире, слушая музыку со своих колонок. «Как же это офигенно», – думал про себя Лео, сидя на кухонном столе и попивая ром с соком, вглядываясь в вечерний августовский пейзаж за окном. Солнце уже катилось к горизонту, свет естественный становился всё тусклее, а свет искусственный – от старого абажура, купленного на какой-то блошиной распродаже, – становился всё ярче и теплее. Всё источало блаженство. Воистину, кто не любит вечеров на кухне, тот не любит и саму жизнь. Маттиас тем временем залез на подоконник, где лежала для удобства огромная бесформенная подушка канареечного цвета.

– Кстати, Мэт, – вспомнил вдруг Лео, – ты так и не ответил по поводу вечеринки. Написал, что подумаете, и на этом тишина.

– Ах да, забыл, замотался. Да, мы в принципе не против.

– Это как-то прозвучало... будто тебе пофиг. Ребята просто в нетерпении – Дрены, Том, я ещё одну девушку пригласил, по которой вроде Дрен-младший сохнет...

Но на Маттиаса эти слова будто бы не имели воздействия, он неожиданно погрузился в какие-то мысли, которые были недоступны Лео.

– Ты знаешь, – начал он, – я очень хочу эту вечеринку. «Переезд Мэта», офигеть событие, конечно, но это всё же событие, которое стоит отметить. Мы так много праздновали что-то и отмечали, что уже и не припомнишь, в честь чего это всё проводилось и вообще, был ли повод.

– Повод как обычно – друзья, хорошая компания, вечер выходных, ну и так далее, сам же в курсе. А тут реально нужно отметить. Просто необходимо! А ты чего-то включил тормоза.

– Да, да, я всё понимаю. Но Лола... Ты же понимаешь, она не сильно вписывается во всю нашу тусовку. Но я сделал выбор – я выбрал её, а значит, мне нужно разделять её увлечения, её тревоги, её сомнения. Она не сильно хотела масштабно гулять, предлагала ограничиться тихим ужином человек на пять...

– Серьёзно? Мне казалось, что она наоборот решила принять твою компанию и хочет эту вечеринку.

– Не совсем. Она хочет, чтобы это была моя последняя такая масштабная вечеринка. Конец так конец, дальше – новая жизнь. И я её прекрасно понимаю, она имеет право на такие взгляды.

– Но не будешь же ты просто так меняться только потому, что того захотела Лола. А она сама меняется? Отношения предполагают взаимность.

– Всё сложно, старик, всё сложно. Знаешь... Все эти пьянки и гулянки – это было весело, правда. Я очень ценю нашу компанию и люблю вас всех. Но есть в жизни что-то настоящее. Что-то совсем иное, чем все тусы. Вечеринки и празднования – они будто бы суррогат жизни, искусственные и кичливые. Все друг перед другом чего-то строят, пытаются понравиться, пытаются выставить себя в выгодном свете. Обсуждают друг друга, обсуждают вещи, которые абсолютно пустые. С Лолой всё не так. С ней я нашёл ту настоящую жизнь. Домашний очаг, как бы банально это не звучало.

– Ну, дружище, – протяжно ответил Лео, долив себе и Маттиасу выпивку, – меня сильно огорчают такие мысли. Другая жизнь, настоящая жизнь...

– Нет, ни в коем случае это не упрёк. Повторюсь – я очень вас всех люблю, ребята. Даже больше – Лола вас тоже любит, правда. Просто нужно меняться, нужно уходить от этой... этой подростковости, что ли...

– Ну в чём тут подростковость, Мэт? Старые друзья собираются в компании, чтобы отвлечься от бытовой суеты, работы, учёбы, стрессов, обсуждают то, что выходит за рамки их обычной жизни. Музыка-кино-искусство-политика-кулинария. Ходят совместно на курсы, на барбекю, на фестивали. Это то, что делает нашу жизнь менее пресной, то, что делает её ярче. Ну вот женишься ты, ну вот пойдут дети – что ты им сможешь передать? Домашний очаг? Шторы с рюшами и бледно-голубые обои? Да они пошлют это всё и вас с Лолой, едва им исполнится пять! Вот у меня на курсе детки – дети, Мэт! Им десяток лет, а они спрашивают, что к чему, их не купит разговором про карьеру и стабильность. Им нужен импульс, им нужно творчество, выход энергии! Ты понимаешь, какие у тебя будут проблемы в общении с твоими же детьми, если вместо импульса ты будешь их тормозить и говорить, что главное в жизни – спокойствие и уют?

– Я надеюсь, они меня поймут.

– Не поймут, чувак, ох не поймут! И ты сам себя не понимаешь, это всё – самообман. Лола – спокойный человек, флегматик, у неё другие биоритмы – это всё объяснимо, за это я её не критикую. Но то, что она хочет подстроить под себя весь мир, я понять не могу, ну никак!

– А не того же самого хочешь и ты? – парировал Маттиас.

– Нет, я хочу, чтобы ты оставался собой, Мэт, а я – собой. А Лола – собой. И чтобы мы терпели друг друга и не кидались фразами про «инфантильность» и «искусственность». Искусственно ты пытаешься быть тем, кем не являешься, чувак. Прими себя, ты – весельчак, у тебя куча друзей, ты чуточку неуклюж, противоречив, да-да, и не спорь со мной, ты – рубаха-парень, ты простой, но ты и философ, ты мало что шарить в искусстве, но зато ты офигенен в дискуссиях, ты уболтаешь любого. И тут нечего стесняться, тут нечего ограничивать. Ты – Мэт и всегда будешь им. Не надевай маску, которая тебе не подходит.

– Эх, Лео...

– Что? Слишком максималистичен?

– Да, именно это слово.

– Ну, тогда валяй, попробуй перестроить себя и посмотри, что получится. Флаг тебе в руки!

– Знаешь, вот будто что-то стукнуло меня по голове...

– Иначе и не скажешь!

– Подожди, не язви. Вот что-то стукнуло, и я оглянулся – а что у меня есть? Да, есть друзья и всё то, что ты перечислил. Но это всё годится для вечера, а что днём? Кто я такой вообще? По сути же дела – абсолютно серый, незаметный, как и многие. Я пытаюсь прыгнуть выше головы, пытаюсь выставить себя таким философом, как ты выразился. Но ничего из этого не выходит. Тусовка – дело хорошее, но и у любой тусовки есть начало и конец. Вот заканчивается вечеринка – все идут по домам, и ты можешь быть хоть сто раз крутым парнем, это уже никому не нужно – всё, время вышло, пора спатки. Вот это я понял, когда увидел Лолу. Помнишь же, она остановилась и пыталась сама починить свой велосипед. Она понятия не имела, как он вообще устроен, но она пыталась. С ней никто не говорил, с ней никто ничего не обсуждал – новые тенденции в литературе вообще были тогда не к месту, только она и её поломанный велосипед. Хрупкая девушка, пытающаяся исправить что-то в технике, будто пытающаяся что-то исправить в своей жизни. И тогда у меня случился этот удар. Я вижу её и понимаю: всё, что было до этого момента, все эти бестолковые дискуссии были ничто! А вот она – жизнь! Настоящая жизнь, настоящая проблема, и настоящее желание эту проблему решить. Нет никакой мудрости, заумных словечек, новомодных трендов – всё банально. Будто бы глоток прохладной воды из ручья, когда ты пил до этого колу. Что-то другое, что-то исходное, что-то настоящее. Да, именно – настоящее. Я тогда не мог удержаться. Лола немного неказиста, близорука, неуклюжа, как и я, но она – настоящая. При всей моей любви к вам, при всей моей любви к нашим барам, клубам, посиделкам, концертам, она – существительное. Всё остальное – прилагательное. Это как картина в раме. Рама может быть дорогой и старинной, но если картина – дешёвая репродукция, то это просто смешно и нелепо. А вот настоящая картина хорошего мастера может украсить собой любую раму. Это вопрос выбора приоритетов, старик, вопрос – что важное в жизни. Я нашёл ответ на этот вопрос, надеюсь, найдёшь ты. Тусовки – дело хорошее, но они круты только тогда, когда в жизни есть что-то более ценное, чем тусовки.

– Так в том-то и дело, чувак, – продолжил дискуссии уже изрядно подвыпивший Лео. – В том-то и дело! Должен быть баланс, должна быть гармония. А когда ты одно заменяешь другим, в чём гармония? Ты раму меняешь на картину – разве это круто? Совершенно не круто, но ты поступаешь именно так. Не бросай нас, мужик, обещай, что не бросишь. Пусть будет Лола, пусть будет её дурной вкус, пусть будет всё то, на что ты променял нашу квартиру, но не бросай друзей. Не бросай себя, я бы сказал. Обещаешь?

– Обещаю. И что касается вечеринки – да, мы проведём её, она будет, старик!

– Ура! Это то, что я хотел услышать! И к чему была вся эта философия?

– Я лишь хотел, чтобы ты меня понимал, чтобы ты не обижался, когда что-то идёт не так, как было раньше. Жизнь продолжается, всё меняется, поэтому не нужно становиться на пути перемен, прими их, и тогда всё будет зашибись!

– Ладно, считай, я тебя понял.

– Ахах, мужик, люблю, когда ты соглашаешься со мной.

Оба они были уже пьяными, оставался ром, но никто его больше не хотел. Вечер постепенно сменялся ночью, и в домах напротив один за другим загорались огни светильников. Что-то магическое было во всём этом, что-то зачаровывающее. Жизнь ещё бурлила за окном, но постепенно остывала, всё больше окон озарялись тёплым жёлтым светом, всё меньше велосипедов и машин проносилось по брусчатой улице. Оба друга молчали, думая о чём-то и будто бы читая мысли друг друга. Так бывает, когда всё вокруг вдруг становится приятно

тёплым, безмятежным. Ночные бабочки стали биться в окно, всё сильнее становился гул сверчков, всё пьянее были мысли.

– Слушай, Лео, а у тебя остался ещё тот косяк, который тебе Сэм отдал?

– В портсигаре.

– Не хочешь?

Лео задумался на мгновение – ради чего было это предложение? Только ради того, чтобы чуть порадовать его после столь тяжёлого разговора? Или Маттиас всё же хотел продолжения их скромной вечеринки? В любом случае было понятно, что домой он не спешил и мог провести часок-другой в своей старой, уже теперь бывшей квартире. Было также понятно, что травка с алкоголем одурманят сознание до тошноты, и приятная атмосфера вечера закончится крепкими объятиями унитаза. Всё это было ясно и очевидно даже вполне выпившему человеку. Но была не была!

Лео полез за косяком. Старый металлический портсигар прямоугольной формы был его сокровищем ещё со школьных лет – когда-то подростком он откопал его возле какого-то заброшенного дома и сразу нашёл ему применение для своих первых в жизни сигарет. На его внешней стороне были изображены шахматная доска с фигурами – должно быть, он принадлежал какому-то мастеру шахмат или даже гроссмейстеру, по крайней мере, так хотелось верить Лео. Портсигар раскрывался книжкой, и внутрь помещалось ровно двадцать сигарет – в основном самокруток, которые Лео по нехватке денег крутил, сидя на скучных лекциях или за чашкой кофе после обеда. Но был у портсигара один секрет – одна из его частей содержала двойное дно, куда легко могли скрыться несколько косячков. Как много друзей и знакомых одалживали у Лео сигареты, и как мало из них знали об этой тайне, когда вытягивали обычную табачную сигарету из портсигара.

В последнее время по непонятно какой причине Лео стал редко дымить косяками и держал один про запас, который ему подарил Сэм – его хороший приятель, живущий на первом этаже. Сэм слыл специалистом по каннабису, но Лео не знал, сколько ему лет, чем он занимается по жизни, сколько скурил травы и какие наркотики он ещё не пробовал. Зато прекрасно знал, что Сэм – очень щедрый человек и никогда не зажмёт косячок никакому из своих приятелей. Маттиас же, хоть сам и не прочь подымить травкой, был что-то вроде как на ножах с Сэмом с недавних пор и даже не мог назвать Лео причины их ссоры, несмотря на все расспросы, и Лео объяснял их отношения обычной антипатией. Странная вещь эта антипатия, нелогичная – вроде как и нет повода, но вот не нравится человек, и хоть тресни! И ходишь-думаешь, а что ж в этом человеке не так, и понять не можешь – природа так устроила, возможно, даже и к лучшему. Поэтому когда Маттиас жил в одной квартире с Лео и они хотели покурить косяк, то к Сэму всегда шёл Лео. Так и завязалось приятельство между ними.

Достав из секретного отдела портсигара косяк, Лео распалил его, сделал пару втягов и передал Маттиасу. Тот задумчиво продолжал вглядываться в уже наступившую ночь. Лео отметил про себя, что за весь вечер его друг ни разу не потянулся к телефону, чтобы сообщить как-то о себе Лоле. Возможно, у них размолвка, подумал Лео, или они так договорились – каждому из нас нужно время на себя, ведь эгоизм также свойственен человеку, как и альтруизм, хотя мало кто себе в этом признаётся. Кто-то уезжает на рыбалку за город, а кто-то идёт к другу немного выпить и покурить.

Каннабис непросто лёг на алкоголь, и вместо ожидаемой лёгкости оба почувствовали какой-то невидимый груз, который тянул вниз. Говорить не хотелось, хотелось лишь, чтобы этот момент тянулся вечно. Музыка остановилась, да и смысла в ней не было, так что ничто не нарушало тишины. Тишина обволакивает, приглушает, утихомиривает страсти. Нет ничего целебней тишины. Но Лео её нарушил.

– Знаешь, Мэт, – начал он, – я рад, что ты пришёл сегодня. Мне действительно это было нужно. Ты... Большое спасибо тебе, короче!

– Всегда пожалуйста, – коротко ответил ему Маттиас.

– Знаешь, в этом мире так всё сложно... деньги, работа, отношения, да всё! И так не хватает старых друзей порой. Чтобы как в детстве, чтобы всё было просто и понятно. Горка, песочница и всё такое прочее.

– Понимаю, – опять без лишнего многословия откликнулся Маттиас.

– Мне тебя будет не хватать, чувак. Но знай, что я очень за тебя рад.

– Спасибо тебе, и мне тебя будет тоже не хватать.

Лео сполз на пол, будто всё та же невидимая тяжесть пригвоздила его к паркету. Спиной он упёрся к стене. Через минуту сполз с подоконника и Маттиас. Он примостился рядом, сделал глубокий затыг и передал Лео косяк, от которого оставалось совсем чуть-чуть.

– Мне так хорошо, Лео, как не было хорошо уже давно. Новая жизнь, все дела, но мне есть что вспомнить. Спасибо тебе, что был всё это время рядом. Ты – мой брат, которого у меня никогда не было.

– Тише, тише, Мэт, не нарушай тишины. Насладимся ею. Прощальная тишина в этой квартире для тебя.

– Точно, чувак.

– Забери косяк, я больше не буду.

– А тебе не плохо уже?

– Мне хорошо, Мэт, мне очень хорошо.

– И мне тоже. Чертова тишина, как она прекрасна!

– Ты прав, чувак, ты прав.

Лео уснул, совершенно забыв, что ему должно быть плохо. Плохо от выпитого, скуренного, но ещё больше – от тяжести его молодой жизни. Как легко быть в двадцать пять печальным и страдать от этого. Уныние преследует тебя по стопам, и тебе ничего не стоит поймать его, и всё тебя угнетает, и всё разоряет твою душу. Ты молод, но ты несчастен – это знает каждый, кто хоть чуточку задавался вопросами о смысле своего бытия в этом возрасте. Этими вопросами, конечно же, задавался и Маттиас, который докуривал косяк, уныло вглядываясь в стену, и который через несколько минут незаметно для себя уснул тут же с Лео на полу. Рано утром Маттиас покинул свою бывшую квартиру, унося свои последние пожитки и оказав при этом помощь Лео в перемещении на диван. Он не стал окидывать прощальным взглядом свой бывший дом, будто пытаясь спасти себя от сожалений. «В путь, к новым горизонтам», – подбодрил он себя, справляясь с похмельем. Солнце же уже всюду врывалось в окна, роняя на пол золотые свои лучи. Новое утро, новое начало.

3

Лето уже умирало. Чего не скажешь о жизни в городе, которая, подобно легендарному фениксу, восставала от ушедшего летнего зноя, как из пепла. Лёгкий осенний холод уже даёт о себе знать, первые жёлтые листья, будто бы соревнуясь друг с другом, падают на асфальт. Странное это время, самый конец августа – природа увядает, но чувствуется свежесть. Свежесть новых событий, предвкушение новых свершений. Улицы подобно нашей уже бурлят, музыка, картины, поделки уже успели родиться, а афиши, сообщающие о первой после летнего перерыва ярмарке старья, пёстрыми лоскутами украсили все фонарные столбы. Все – в предвкушении чего-то нового, что ещё не обрело форму, но уже обрело суть. Будто бы сговорились – решили начать новую жизнь. Кто-то после летнего отпуска и каникул объявил, что навсегда покончил с мясом и молочными продуктами – здравствуй, новый веган! Кто-то побежал записываться на всевозможные курсы живописи, брать уроки игры на музыкальных инструментах или покупать годовой абонемент в бассейн. Иные же, словно сумасшедшие, бегают по городу, выискивая всё новое, что можно притащить в дом, – новую люстру, ковёр, шкаф для бухла, во всех этих предметах чувствуется обновление, даже если они куплены в магазинчике секунд-хенд.

Поэтому как нельзя лучше на этот период выпала вечеринка Маттиаса и Лолы. Все друзья, участвующие в действе, решили устроить нечто сногшибательное, взрывное и запоминающееся, с чем Маттиасу, а уж тем более Лоле пришлось смириться. Для организации каждый день вот уже неделю они собираются вечерами то там, то сям, обсудить детали предстоящей вечеринки. После каждого такого обсуждения слухи проникали в город, и даже где-то в «Твиттере» родился хэш-тег #чтотворитматтиас. Безусловно, возникла целая толпа тех, кто не стал обсуждать вечеринку лениво в соцсетях, но вызвался помочь, предлагая всё более и более безумные идеи и всё более и более масштабный план действия. Возможно, долгое отсутствие в городе и лето, проведённое под палящим солнцем на юге, или скука от пары недель посещения родителей в деревне сделали своё дело, и теперь каждый стремился воссоединиться со своей компанией и был рад применить свою энергию на благо грандиозной тусы. Безусловно, изо дня в день изначальный повод вечеринки стал забываться, вместо этого каждый держал в голове, что будет что-то, чему просто необходимо было случиться в самый первый день сентября.

И вот, спустя неделю, разговоры и пересуды переросли в действие. Решено было начать с раскручивания вечеринки, хотя смысла в этом, в общем-то, не было никакого, ведь предстоящее действо и так было у всех на слуху. Но раз решено, то решено, и вот кто-то позаботился о стикерах, где значились два тега – «Революция», как всё же решили назвать вечеринку, и «Дрен», место её проведения. Далее значилась дата – первое сентября, и силуэт двух людей, чем-то напоминающих Маттиаса и Лолу, держащих друг друга за руки, а в других руках несущих чемоданы. По задумке автора, все всё должны были бы понять, хотя в конце концов так никто и не помнил, кто придумал дизайн стикеров и кто их изготовил. Тем не менее каждый из организаторов получил по дюжине квадратных наклеек, которые должны были заполнить весь город.

Далее дело обстояло за музыкой. Как изначально и планировалось, братья Дрен, полностью отдав своё заведение остальным участникам команды, плотно взялись за составление плейлиста. Учитывая то, что всё-таки Лола, мягко говоря, не большой специалист в области индигитроники, братья Дрен проявили невиданную доселе снисходительность к поп-культуре и включили пару треков на выбор Лолы. Что ж, это и её праздник тоже.

Том же взял на себя ответственность по оформлению заведения и по общему дизайну. От костюмированной вечеринки после бурных дискуссий и споров решено всё-таки было

отказаться. Вместе с тем все поддержали идею занавесить плотной тканью окна, чтобы свет фонарей не мешал тусе. За этим последовало предложение изменить освещение в баре, с верхнего на нижнее. Том обязался принести несколько метров светодиодной ленты и самостоятельно поработать над светом. Он после своего путешествия, по всеобщему мнению, просто свихнулся на идее менять освещение, но никто не сопротивлялся этому его новому увлечению. Благодаря тысячам подписчиков и знакомству с очень влиятельными тусовщиками, Том вывел тег «Революция у Дренов» в топ «Твиттера», а логотип предстоящей вечеринки – в список популярнейших постов «Инстаграма». Всем участникам вечеринки предстояло постить фотки и твиты только с этим тегом и делать селфи на фоне огромного банера с логотипом, который планировалось установить у входа. Город просто ревел, а братья Дрен уже усомнились во вместительности своего заведения, однако Том уверил их, что всё будет в порядке, а также в том, что он лично позаботится о том, чтобы всё прошло гладко, без эксцессов. Исходи эти слова из уст кого угодно, его сочли бы сумасшедшим, однако все полностью доверяли Тому, поэтому все сомнения ушли прочь. Даже Лола, которая присутствовала на всех собраниях, давала добро на всякую безумную идею, как только её одобрял Том, произнося свои магические «Всё будет ништяк, котятки, верьте мне!». И все верили, потому что это был Том.

Лео же, как обладатель тысяч и тысяч видеороликов, снятых на всевозможных вечеринках, начал монтировать их в один целый видеоряд, который бы демонстрировался без звука проектором на потолке «Дрена». Для этого предстояло хитро закрепить этот самый проектор, поэтому Лео стал проводить большую часть времени у Карло с Жозефом и командой отвёрток, молотков и дрелей. Как человек, знающий Маттиаса больше всех и который был очевидцем и участником истоков его отношений с Лолой, он имел привилегию отклонить любое безумство или раскритиковать какую-нибудь задумку как недостаточно радикальную. Все молча соглашались с правом вето Лео, чего раньше не было и что безумно ему нравилось. Он, возможно, и понимал, что во время подготовки к следующей вечеринке месть друзей настигнет его и ему и слова не дадут сказать, но пока что он наслаждался моментом своей почти безграничной власти.

Марго со своим парнем предложили устроить какую-нибудь шуточную лотерею, где главным призом бы была бесплатная татуировка. Лу со своими друзьями вызвались сделать фаершоу на улице, что все единогласно одобрили. Фиона, которую тоже пригласили на эти обсуждения, поначалу хотела добавить свою лепту, но поняв, что она не в силах конкурировать с фонтаном сумасшедших идей всей остальной банды, лишь скромно пила пиво, поддакивая толпе или улюлюкая, когда что-то не вызывало всеобщего согласия. Младший из Дренов во время всех вечеров дискуссии старался сесть всегда с ней, то приобняв, то шепеча ей на ухо что-то, что было скрыто от всех остальных. Лео краем глаза наблюдал эти сцены, и они вызывали у него лишь горечь. Чем-то нравилась ему Фиона, но он, как и любой другой рассеянный человек, витающий в облаках и страдающий недостатком концентрации внимания, не мог себе признаться, чем именно. И хоть он так горел желанием быть на месте Карло, тот не отпускал Фиону ни на минуту, поэтому шансов у Лео практически не было. Оставалось только забыться и продолжать заботиться о вечеринке, надеясь, что она принесёт ему что-то новое в его исхудалую личную жизнь.

Обсуждения продолжались, и ровно за неделю до вечеринки, когда август уже собрал чемоданы, чтобы уехать в годовой круиз, поднялся вопрос о продуктах и выпивке. Такие, совсем уж тривиальные потребности толпы никто из творческих умов не в состоянии был решить.

– Ну что, – начал было Том, – пиво там, несколько ящиков, из крепкого что-нибудь, пару ликёров и кола. Пицца какая-то и прочие снеки, разберёмся.

Но все присутствующие организаторы понимали, что не всё так просто. Так как состав вечеринки был разношёрстным, то и еда, и жидкости должны быть разные – веганские, вегете-

рианские, мясные, коктейли, пунши, сладости, чипсы, печенье, вода с газом и без газа, органические соки – да куча всяких яств. Проблема ворвалась, будто слон в посудную лавку высоких идей, и все приуныли, когда поняли, что им за неделю нужно высчитать и предугадать точное количество литров выпивки и килограммов съестного. И тут на сцену, будто долго ожидая свой звёздный час, вышла Лола.

– Я всем этим займусь, ребят.

– Я помогу тебе с этим, – вызвался Том, вдруг осознав, что самый сложный вопрос ложится на узкие плечи Лолы.

– Нет, не переживай, я всё сделаю. Но мне нужна будет помощь, чтобы перетащить всё сюда и загрузить в холодильник.

– Конечно, без проблем – ответил дружный хор.

– Тогда на этом всё, – подытожил Маттиас, – спасибо вам всем, чуваки, не знаем, как бы мы без вас справились.

На этом он обнял Лолу и дал понять, что они собираются уходить домой.

– Мы, наверное, пойдём уже, все на связи.

– Эй, Мэт, просто так уйдёшь? Ещё двенадцати нет, детское время!

– Мы уже устали, честно, да и завтра рано вставать.

– Ну, как знаешь. Ребят, зависнем ещё ненадолго? Есть пиво, нужно его убить, – обратился ко всем старший из Дренов. Но никто и не спешил, каждый хотел тянуть этот вечер так долго, насколько было можно. Нет ничего лучше приятной компании глубоким вечером, однако при условии, что ты не женат.

Маттиас с Лолой ушли в темноту улицы, а Дрены забросали всех банками пива.

– Как думаете, – начал Лео, – им это всё понравится?

– Безусловно! А как иначе! Чувак, ты вообще с нами был всё это время? Мы тут столько всего понапридумывали, так что нужно быть дураком, чтобы не полюбить это, – возмутился Том.

– Ну в принципе да, – коротко согласился он в ответ.

Карло обнимал Фиону и что-то ей говорил смешное, та громко хохотала, потом смущалась, встречая взгляд членов банды, и снова хохотала от очередной шутки Карло. Это не могло не наводить грусть на Лео. Ему почему-то хотелось, чтобы хоть кто-то испытывал подобную тоску, будто бы это помогло ему, но все вокруг буквально светились от счастья, от предвкушения вечеринки или от влюблённости, как Карло и Фиона.

– Значит, так, народ, – продолжил беседу Лео, – я думаю, нужно обсудить, по сколько скидываемся. Лоле с Мэтом не потянуть это всё вдвоем, а вкладчину будет норм.

– Это точно, – ответил Жозеф, – ты, Лео всё разузнай, а то они не признаются, во сколько обойдётся еда и бухло. А потом нам скажи, и мы всё поделим.

– Замётано!

– Знаете, ребят, мы, наверное, тоже пойдём, у нас завтра смена в восемь. Лу, ты с нами?

Это был парень Марго, которого все в компании звали Макс, хотя у него было другое имя. Просто так повелось, но ни причины, ни имени-оригинала никто не помнил. Лу жила с ними по соседству, буквально через подъезд, поэтому частенько они приходили и уходили втроём. Они были старыми друзьями и познакомились все вместе ещё во время поступления в художественную академию. У Макса учёба не задалась, и он её бросил буквально через год, чтобы посвятить себя мастерству татуажа. Но за этот год в академии он успел влюбиться в себя буквально всех девушек на курсе, и между ними началась жёсткая конкуренция. В конце концов, Марго выиграла все раунды этого нелёгкого конкурса и завоевала его сердце, наверное, не без помощи своего знаменитого энтузиазма и таинственности. Марго была одной из тех девушек, которых хочется разгадывать. Её взгляд, её жесты, её слова – всё несло в себе некую тайну, пазл, собрать который смог только Макс. Лу, её лучшая подруга, также могла разобрать

этот пазл и видела Марго будто бы насквозь. Возможно, всё дело в том, что Лу была также влюблена в Марго, как и Макс, хотя никогда ей в этом не признавалась. Об этой влюблённости догадывался только Макс, но он даже не пытался эти платонические чувства прекратить или сообщить о своих догадках Марго. Ему также нравилась Лу, но он, будучи верным чувствам к своей избраннице, не делал ничего, чтобы как-то развить отношения с Лу. Марго же замечала неоднозначные взгляды Макса на свою подругу и даже допускала возможность нечто большего между своим парнем и Лу. Всем троим нравилось находиться в состоянии любовного треугольника, таинственного, будто у них какое-то тайное общество. Они знали или, по крайней мере, предполагали, что никто и никогда не разгадает их взаимоотношений. Им также нравилось и то, что их объединяет что-то большее, чем тривиальные отношения «парень-девушка» или дружба. Это добавляло им троим шарма, и в глазах общества они выглядели, будто пришельцы с другой планеты, обладающие знаниями, недоступными для простых людей. И вот теперь, с согласия Лу присоединиться к уходящим Марго и Макс, они будто улетали на глазах у всех на некой летающей тарелке в загадочный потусторонний мир своих взаимоотношений.

– Пока, ребят!

– Спокойной всем ночи!

– Были рады всех видеть, пишите-звоните.

Но как только дверь захлопнулась, Лео разразился:

– А мне только одному кажется, что между ними троими что-то есть?

– А ты только увидел, дурачок? – отозвался Том. – Я всё заметил, как только мы начали учиться вместе.

– Это типа Лу нравится Марго, а Макс – Лу? – обозначила свои догадки и Фиона.

– Ну конечно! – заключил Карло. – Интересно, а они спят вместе?

– Нет, нет, у них только платонические отношения, – ответил его старший брат.

– А ты откуда знаешь?

– Спать втроём для них слишком банально, а они не из тех, кто любит банальные вещи, поэтому и построили такие сложные отношения, – с выражением тибетского мудреца пояснил Жозеф.

– Да уж, интересные они, необычные.

– Все вы, художники, необычные, – обратилась с задорной улыбкой к Тому и Лео Фиона, чем вызвала прилив теплоты на душе последнего, – постоянно что-то крутите у себя в голове, потом выражаете это на полотне или на бумаге. Ваш мир не понять, вы в другом измерении. Хотела бы я быть художником, но у меня руки словно кривые.

– Зато голос чудесный, – поспешил сказать Карло, – вы ребята должны обязательно услышать, как Фиона поёт, красота! Но нам тоже пора, увидимся!

«Чёрт! – мелькнуло в голове у Лео. – Они уходят, и уходят вместе. Почему я не встретил Фиону раньше Карло? Это ж надо же!»

– Я тогда тоже пойду, – сказал оставшимся Лео, не видя смысла в продолжении вечера.

– А ты-то куда собрался? А ну, не пушу! – ответил ему Том, подбежав к двери и закрыв её своим телом, широко расправив руки.

– Голова болит, да и устал немного, – наигранным голосом ответил Лео.

– Вот те на! Что с тобой? Знаменитый мистер «я сижу до конца вечеринки» собрался нас покинуть? С какой такой стати, извольте объяснить!

– Ахах, Том, у нас же не вечеринка.

– Самая что ни есть вечеринка! Пре-пати, как я это называю. Ну в самом деле, не обманывай нас, не болит у тебя голова. Садись, выкладывай.

– Да ладно тебе, всё нормально, просто уже хочется домой, что-то тоскливо мне. Нет, дело не в вас, ребята, но что-то вот грустновато.

– Всё ясно, дальше не продолжай. Фиона? Она проблема твоей тоски?

– Как ты узнал?

– Всё лежит на поверхности, Лео, – и на этот раз мудрец Жозеф, попивая пиво у стенки, как раз под картиной Лео, разобрался в сложностях амурных страстей. – Когда ты в первый раз увидел Фиону здесь, у нас, я сразу всё понял.

– Да, вы оба угадали, дело в ней. Она нравится мне, не скрою, но она нравится и Карло, и он первый её встретил, и я не хочу с ним конкурировать. А теперь вот они уходят вместе, а я чувствую себя полным дураком, поверив, что у меня есть какие-то шансы. Весь вечер они обнимались и хохотали вдвоём, а я пытался словить её взгляд. Ну не дурак? От этого и грустно.

– Да брось! Ты так рассуждаешь, будто Карло её ведёт под венец. Он мой брат и всё такое, но нельзя просто так опускать руки, если девушка, которая тебе понравилась, гуляет с другим. Добивайся её, иди наперекор судьбе, и посмотрим, что выйдет. Здоровая конкуренция – залог здорового общества, я так считаю. Верно, Том?

– Не соглашусь с тобой, друг мой Жозеф, ни на йоту. Наш Лео правильно сделал, что отошёл назад – ради дружбы. Вот в чём соль. Как бы нам ни нравились девушки, есть что-то, что важнее флирта, влюблённости, да и самой любви – это дружба. Любовь – дело такое: сегодня свалилась на голову, а завтра её нет, как не бывало. А дружба – вот что вечно. Нельзя её променять ни на что! Так что молодец, Лео, я с тобой!

– Подождите, ребята, так вы меня ещё больше запутываете. Я вполне взрослый человек и смогу сдерживать свои чувства... Да и есть ли чувства? Минутная симпатия.

– Ну, конечно, симпатия! – воскликнул Жозеф. – Ты пялился на неё каждый день и теперь вот ноешь. Это не симпатия, чувак, это уже что-то большее. И ты должен вступить в схватку с Карло, будь мужиком! У кого чувства сильнее, тот и выйдет победителем. Не бойся соревнований, ведь другого пути выявить победителя просто нет!

– Ты рассуждаешь о девушках, как о машинах на гонке «Формулы-1», – воскликнул Том, – поэтому ты единственный идиот в компании, который уже в разводе.

Брак Жозефа был притчей во языцех города, уж такая громкая история вышла. Было это в то время, когда помирили эмо – один за другим резались чёлки и чёрно-розовые клетки отправлялись на помойку. Жозеф тоже был эмо и носил шикарную, длинную, крашенную в чёрный чёлку. Сочетание этой чёлки с чёрными скини и кедами создавали личность Жозефа – по крайней мере, он так утверждал. Внешний вид – отображение его души, говорил он, и понимайте это как знаете. И хоть эта культура уходила в небытие, Жозеф не только не стремился меняться вслед за модой, но и проклинал всех тех, кто посмел изменить себе и вычеркнуть себя из списка эмокидов. Возможно, он так бы и остался последним динозавром эмо-эпохи, если бы судьба не занесла его в овощную лавку. Но это была не просто овощная лавка, как могло бы показаться, а самая что ни есть веганская лавка, ломающаяся от органических биопродуктов, одна из первых на районе, которая привлекала к себе внимание всех тех, кто ещё недавно шеголял с шаховницей на ногах и мёртвым Микки-Маусом на сумке, но, распрощавшись с ними, стремился обрести нового себя, хотя бы окрестившись веганом. Жозеф же в то время презирал веганов. Собственно, презирать было вечным состоянием его души, которое он взрастил в себе с младых ногтей. Но так уж сложилось, что его брат Карло поступил в университет, и им суждено было вместе разделять квартиру, и так как Карло страдал в ту пору какой-то непереносимостью к каким-то продуктам, Жозефу предстояло отправиться на поиски специальной еды перед приездом своего младшего брата.

Так, одним дождливым сентябрьским днём Жозеф завалился в веганскую лавку и чуть только переступил порог, не смог сделать ни шага. За прилавком стояла Она, и Она, словно молния, поразила Жозефа, который уже не помнил, ни где он, ни с какой целью пришёл, возможно, даже имени своего он не помнил в ту минуту. Каким-то чудом он пришёл в чувство и стал собирать в корзинку всякие полезные продукты, которые были безопасны для здоровья Карло, однако глаза его были прикованы к прилавку. Его взгляд жадно поглощал каждое Её

движение: взмах руки, открытие кассы, выкладывание купюр и выдача монет, пожелание удачного дня и лёгкая улыбка на прощание посетителю – всё это Жозеф видел будто в замедленной съёмке. Он занял свою очередь к кассе и сильно оробел, когда настал его черед платить. Его неловкие движение и проникающий взгляд немного смутили Её, но ненадолго. Быстро собравшись и закончив с продажей, Она обратилась к Жозефу:

– Ты такой... такой странный. Так смотришь... Неужели я так понравилась?

– Да, – обомлев от своей собственной, непонятно откуда взявшейся храбрости, ответил Жозеф.

– Ну что ж, за твою смелость я награждаю тебя номером своего телефона.

На этом она взяла ручку и написала на ладони Жозефа ряд цифр. Это было верхом блаженства. Жозеф вышел из магазина и смотрел на свою ладонь. 1... 4... 9... 5... 0... Марин. Марин. Марин! Это имя громом звучало в его голове, он шёл домой, совершенно не смотря под ноги, и постоянно твердил про себя цифры и имя, заветное имя – Марин. И лишь начавшийся снова дождь отрезвил его – капли падали прямо на цифры и могли их растворить, оставив Жозефу лишь сиюминутное воспоминание о таинственной продавщице. Он поспешил спрятать руку в карман, но про себя твердил и твердил её номер и её имя, будто бы это был пароль и код к какой-то неземной жизни. Безусловно, как и всякий, огорошенный внезапной стрелой Амура, Жозеф и подумать не мог, чтобы достать свой старенький телефон «Нокиа» и занести туда номер Марин. Что ж, на то и влюблённость.

Однако, дойдя наконец домой, его стали терзать сомнения. А не было ли это жуткой насмешкой? Розыгрышем? Зачем Марин давать свои контакты первому встречному? И вообще, Марин ли она? Почему он должен был ей верить? До самого вечера он так и не решился ей позвонить и вообще собирался вымыть руку и забыть тот магазин, как туманный сон. К счастью, Карло увидел исписанную руку брата и задал по этому поводу вопрос.

– Ну, и кто эта Марин и почему она пишет у тебя на руках? А ну, признавайся.

Делать было нечего, и Жозеф всё поведал своему младшему брату.

– Так чего же ты ждёшь? Звони ей скорей, может, она уже с кем-то ушла гулять!

– Ты понимаешь... – начал было Жозеф, который помимо истории загадочного знакомства хотел поделиться с Карло и своими сомнениями.

– Ничего не хочу понимать, звони! – прервал его Карло и дал Жозефу телефон.

– Может, лучше СМС?

– Звони!

Так, по настоянию Карло Жозеф дозвонился до Марин.

– Алло, – услышал он в ответ.

– Привет, это Жозеф... Мы познакомились в магазине, когда я покупал продукты, и ты дала мне свой телефон.

– Ах, это ты, забавный эмо, привет! Я думала, ты так и не позвонишь мне.

И тут началось. За одним звонком последовал другой, потом – первые совместные прогулки, кино, первые поцелуи, смех, забавные истории, встреча заката на крыше, а за ним – рассвета. Марин совершила, казалось бы, невозможное – она начала менять Жозефа. Он стал чаще улыбаться, отказался от чёлки, то есть да, он перестал быть эмо. Он стал веганом, как и Марин, и даже стал подрабатывать в этой же лавке продавцом, сменщиком Марин. Всё развивалось стремительно и было скорее кинематографично, чем реально. Их история любви вызвала умиление и блаженную улыбку всех друзей и знакомых. Ах, какая счастливая пара! Проклятик Купидон знает своё дело!

Ближе к лету Жозеф решил перейти Рубикон. Он взял все свои сбережения и отправился в ювелирный магазин, чтобы приготовить задать своей возлюбленной главный вопрос жизни. Всё происходило на крыше. Ох уж это майское солнце на закате! Сколько поцелуев оно осветило своим тёплым красно-золотым сиянием! Жозеф встал на колени, протянул Марин

букет цветов и затем произнёс четыре слова, которые так тщательно репетировал перед зеркалом, стараясь найти нужную интонацию и оттенок. Конечно, волнение есть волнение, и всё получилось не так, как на репетиции в ванной. Но всё же ответ был – «да», и за ним хлынули слёзы. Слёзы радости, которые блестели на щеках, переливаясь всеми оттенками заката.

За этим последовали вечеринки, одна за другой – для друзей, для знакомых, для родственников, снова для друзей – пусть знает весь мир: Жозеф и Марин женятся! Они женятся, пусть звонят колокола! Они женятся – несите кольца! Всё было как в сказке. Подготовка к свадьбе заняла всё лето, и в начале сентября, когда уже и не лето, но ещё и не осень, они обручились. Шампанское лилось рекой, музыка, шум, гам, радостные восклицания, поцелуи, первый танец, первая брачная ночь.

Через неделю они развелись, потому что на следующий день после свадьбы Марин посчитала, что не стоит ничего скрывать от своего только что обретенного мужа. Она изменяла ему всё то время, когда Жозеф за ней ухаживал. Изменяла с разными парнями, и вообще она не может устоять, если кто-то с красивыми плечами и смазливой улыбкой сделает ей комплимент. Телефонов, записанных на мужских ладонях, было больше сотни, и чуть меньше сотни их обладателей дозвонились Марин и назначили ей встречу. Всё было так красиво в истории любви Жозефа, что никто и не осмелился ему сказать, в какую шлюху он влюбился. Единственным человеком, который подтолкнул Жозефа к Марин, был его ещё неразумный 18-летний брат, которому по возрасту полагалось верить в большую и светлую любовь. А вот общество повело себя коварно. Любовь всё излечит – обожают говорить те ханжи, которые знают каждый скелет в шкафу у друга, но которые почему-то верят, что эти скелеты куда-то исчезнут, лишь только их обладатель сумеет встретить любовь своей жизни. Так и про Марин: каждый считал, что раз Жозеф так любит её, то она изменится. Возможно, брак бы её исправил, но только Жозеф уже не хотел в это верить. В двадцать лет он уже был женат и уже был разведён. Это событие вырастило в нем цинизм, и он разучился быть другим. К эмо он больше не вернулся. Он остался веганом и занялся музыкой.

И вот уже несколько лет подряд каждый, кто может себя назвать хоть сколько-нибудь настоящим другом Жозефа, старается при случае дружески ужалить его разводом.

– Э, нет, дружище, ты путаешь причину и следствие, – ответил на очередной укол Жозеф, – мой развод, равно как и мой цинизм – это следствие того, что я был этаким воодушевлённым романтиком, образ которого ты пытаешься навязать Лео. Поэтому не слушай таких болванов, Лео, они тебя доведут до пропасти. Лучше смотри на жизнь хладнокровно и с некоторым эгоизмом. Если тебе нравится девушка – бейся за неё, если не нравится – забудь. Если Карло окажется сильнее тебя, то Фиона будет с ним, а тебе тогда стоит переступить через это и идти дальше. Если же ты будешь сильнее Карло, то также не стоит оглядываться назад.

– Постой, постой, но разве не то же самое было у тебя с этой твоей... как её? Марин, во! Ты не оглядывался ни на какие чувства, хотя чувства к ней испытывало полгорода, ты через всех переступил, потому что тебе так хотелось, а потом развёлся, даже не оглядываясь назад. Не слушай его, Лео, с его советами ты быстро превратишься в железобетонного циника, а я не хочу тебя потерять.

– Это всё совсем другие вещи, – начал себя защищать Жозеф, – я был в неведении. А ты, Лео, располагаешь всеми фактами.

– Я, конечно, ценю все ваши советы, чуваки, но вы меня реально запутываете. Пусть будет так: Фиона пусть встречается с Карло, если ей нравится, а я буду искать себе другую девушку. Если у Фионы с Карло ничего не выйдет и у меня ничего не выйдет, то мы станем парой. Вот и всё.

– Делай как хочешь, но в отношениях не бывает компромиссов. Хотя соглашусь: наш разговор тебя действительно больше запутывает, а нужно слушать своё сердце, а ещё больше – разум. На этом и порешаем, да, Том?

- Поддерживаю! Ещё пива?
- Ещё пива!
- Салют, друзья!

Вечер плавно превратился в попойку. Лео, Том и Жозеф сидели до рассвета в «Дрене», уничтожая одну бутылку за другой. За пивом последовал, безусловно, ром, они хотели вызвать Маттиаса, но тот уже спал глубоким сном. После пары безуспешных попыток дозвониться до него они перешли к настольному футболу. Параллельно болтали о том, об этом, смеялись, вспоминая какие-то курьёзные моменты с прошлых тусовок и встреч, окончательно напившись, решили лететь на Майорку ранним утром, но что-то пошло не так, и поездка сорвалась. К шести они распрощались, и каждый покатил свой велосипед в сторону своего дома. По пути домой Лео чуть не выронил стопку стикеров предстоящей вечеринки, которые ему нужно было расклеить. Кое-как добравшись до своего подъезда, он взобрался на последний этаж, припарковал велосипед и пошёл спать, еле успев раздеться.

Часам к десяти его разбудили головная боль и телефонный звонок. Каждый из нас может себе представить, что за адскую комбинацию составляют эти двое после хорошей пьянки с хорошими друзьями. Лео решил не отвечать, и звонок прекратился. Его не интересовало даже, кто ему звонит и по какому поводу – пусть хоть весь мир охватил пожар, но ему так плохо и хочется спать, что ничего не могло заставить поступить иначе. Тогда раздался второй звонок, и Лео ответил.

- Алё, – прорычал он в трубку.
- Доброе утро, придурки. Уже на Майорке?
- Мэт, не смешно. Зачем звонить в такую рань?
- Уже десять. Так вы где? Улетели? – продолжал язвить Маттиас.
- Я дома, ты же понимаешь. Том и Жоз, думаю, тоже дрыхнут.
- Так и знал, что у вас ничего не выйдет. Нужно же было мне трезвонить ночью с вашим идиотским предложением полететь на выходные на остров.

– Мэт... Мне херово. Если ты позвонил, чтобы поукорять меня, то, прошу, перенеси это на пару часиков позже. А ещё лучше – на вечер или на никогда.

- Мне помощь твоя нужна. Так что одевайся, я скоро заеду.
- Мэт, я никуда не поеду, сказал же – мне херово.
- Сорри, чувак, но не я бухал всю ночь. Да и ехать никуда не придётся, по крайней мере, пока. Скоро приедет старший брат Лолы, а его поселить мы никак к себе не можем, так как у нас в другой комнате ремонт. Так что пусть поживёт у тебя пару дней, всё равно моя комната пустует. Я поеду с Лолой покупать первую партию напитков для вечеринки, и нужно будет Тому помочь после. Так что гость на твоей совести.

- Мэт, Мэт, постой, я ничего не понимаю. Какой брат, откуда он взялся и при чём тут я?
- Энри, чувак, ты должен помнить, мы его обсуждали вчера. Его пригласила Лола, так что это обязательный гость. Да и ты говорил, что не против показать ему город, то да сё. Так что вставай, без тебя никак.

Память по чуть-чуть возвращалась к Лео, и он вспомнил, как Лола говорила на вчерашнем собрании, что приедет какой-то Энри и что было бы хорошо, если бы кто-то показал ему город, если кто-то свободен, бла-бла-бла. Лео сказал, что он свободен и он может помочь, но, говоря это, он непрерывно следил за Фионой и Карло, так что сам не понял, как подписался быть экскурсоводом для гостя. В течение дальнейшего вечера он, безусловно, забыл про всякого Энри, и вот теперь Мэт заставил его вспомнить.

- Чёрт, Мэт, я забыл. А вы совсем-совсем никак не справитесь без меня?
- Совсем никак. Даже если бы ты улетел на Майорку, тебе пришлось бы вернуться, так как ты пообещал. Не буду тебе напоминать, дружище, что слова свои нужно сдерживать.
- Окей... а что он за чувак-то? Такой же, как Лола?

- Увидишь!
- Мэт! Мне не до шуток.
- Увидишь, всё впереди, я сам его видел пару раз. Вроде нормальный.
- «Вроде»... Ладно, везите своего Энри.
- Это именно то, что я хотел услышать. Через полчаса будем.

«Как снег на голову», – подумал Лео. Ему так хотелось заняться рисованием сегодня днём, но снова никак. И всё из-за какого-то Энри, с которым он по глупости согласился возиться. И что, он не сможет сам обойтись, без няньки? И ведь сто процентов это такой же скучный мудила, как и Лола. Что за напасть, что за напасть!..

Маттиас оказался точен, как швейцарские часы: через полчаса, минуту в минуту, в дверь раздался звонок – это он приехал с Энри.

- Познакомьтесь: Лео – Энри, Энри – Лео.

Лео протянул руку и замер – перед ним был *крутой чувак*. Возможно, это был эффект от похмелья, но перед ним был *нереально крутой чувак*. Это было видно сразу: белые «Найки» на ногах с белыми носками наружу, джинсы с высоким подворотом, чёрная футболка и жёлтая бесформенная рубашка сверху, заправленная в джинсы и застегнутая лишь на две нижних пуговицы, усы, очки, как у героя Джонни Деппа из фильма «Страх и ненависть в Лас-Вегасе», позолоченная цепочка и кассетный плеер, мать его, кассетный плеер! Энри будто бы был путешественником во времени и только что прибыл из ранних 90-х, настолько по стилю он был одет.

- Привет, Лео. Я Энри, старший брат Лолы, я впишусь тут у тебя на пару деньков, окей?
- Угу... – едва смог выдавить из себя полный зависти и восхищения Лео.
- Лео, у тебя найдётся кофе? Я бы выпил чашечку и побежал, – вернул друга в реальный мир Маттиас.

- Да, конечно. Ты будешь, Энри?
- Безусловно! Кофе – это то, что мне нужно. Неплохая хата. Так вы тут вместе жили?
- Ага... Я тут, а Мэт – там. Потом он встретил Лолу и съехал.
- Да, я слышал об этой истории. Лола та ещё штучка, if you know what I mean. Ахах.

На этом оба рассмеялись. Энри знал, что говорит, и самое главное – он знал, кому он это говорит. Будто через одно рукопожатие он прочитал Лео от корки до корки, и всё ему теперь известно – и про его сожаления по поводу «потери» друга, и про то, что нужно искать нового соседа, и про несоответствие характера и вкуса Лолы его вкусам и его характеру, и про их скрытую ненависть друг к другу, и даже про то, что никто в компании не может разделить его, Лео, переживаний по всем этим проблемам. И вот появляется этот Энри, и одной меткой фразой, наполненной тончайшим сарказмом, он будто говорит Лео: «Эй, чувак, я тебя знаю и понимаю на все сто!». Это просто невероятно.

Через пару минут кофе был разлит по чашкам и ароматом окутал кухню. Кофе же помог Лео справиться с похмельем. Каких только чудодейственных свойств не обнаружишь в этом чёрном напитке, особенно если в это поверишь. Гость Лео осматривал кухню в деталях, выглянул в окно и также пристально оглядел каждый элемент улицы, будто бы фотографировал все эти элементы и выкладывал в какой-то свой, ему только известный мистический «Инстаграм». Закончив осмотр, Энри обратился к Лео и Маттиасу:

- Где вы вообще висните, ребят? Какие тут у вас клёвые тусы?

– Да по-разному тусим, – начал Лео, – в основном дома начинаем у кого-то, далее двигаем в клубешники, а затем – в бары.

- И что за бары?
- «Стрекоза» – классный и «Дрен» наших друзей, – на этот раз ответил Маттиас.
- И всё? Пара крутых баров? Негусто.

Оба, Лео и Маттиас, чувствовали себя забытыми школьниками, которые от старшекласников узнали пару крутых вещей и теперь щеголяют этими фактами, и тут вот их раскусили и смеются над их весьма неглубоким познанием. Они почувствовали смущение.

– Ну, много ещё чего есть... Но лучшие пати – те, которые мы сами организовываем.

– Ну, это понятно. Лола описывала мне вашу вечеринку, как вы готовите всё. Думаю, клёво получится. Возьмёте помочь с организацией?

– Не вопрос, – быстро выпалил Маттиас.

А Лео задумался: мало того, что кажется абсолютно невероятно, что брат Лолы – *крутой чувак*, так она ещё умудрилась рассказать ему о вечеринке так, что этот крутой чувак *заценил*. Воистину невероятно! Тем временем тошнота от похмелья прошла, и наступила тошнота от того, что этот Энри не может быть соседом Лео. Хотя...

– Чувак, а ты не хочешь перебраться в наш город вообще? У меня комната как раз свободная, и я соседа ищу. Смотрю, ты крутой мужик, взорвал бы этот город.

– Ха! Норм предложение, спасибо. Но, увы, не выйдет, у меня столько дел в моём городе, столько движа, людей... Прости, я просто не смогу всё это бросить. Но было бы круто жить по соседству.

«Вот облом», – продолжил думать Лео, будто бы от его скоропалительного предложения малознакомому человеку стоило ожидать успеха. Вон, даже Маттиас глаза выкатил от удивления, мол, от тебя ли, Лео, ждать спонтанностей? Хотя так порой не хватает спонтанностей, особенно когда жизнь укутывает тебя в джойдивиженскую грусть. Что ж, соседом Энри не станет, тогда хоть потусить с ним можно нормально.

– Кстати, пацаны, – вспомнил было Маттиас, – я сейчас же в магаз с Лолой, а потом не могли бы вы подойти к Дренам, чем-нибудь поможете?

– Да без проблем, Мэт, – отозвался Энри, удивив Лео, ведь Мэтом его друга называет уж очень ограниченный круг самых близких друзей, и, видать, Энри уже в этом кругу.

– Оки-доки, тогда покажу тебе город в двух словах и в двух шагах, а потом рванём к Дренам.

– А кто такие Дрены, ребят? Вы чего-то говорили, они будто бар держат?

– Не совсем, – начал пояснять Лео, – у них велосипедная мастерская и бар в одном здании, днём – велосипеды, вечером – выпивоны и тусы. Самое кайфовое место в городе, там все тусят, собственно, там и пати будет.

– Неплохо, неплохо. Мои друзья недавно тоже бар открыли, но это даже клуб скорее. Там пара сцен, площадки разные, выставки тоже проходят, короче, чего только нет. К ним уже даже чуваки из TDCC и M83 закатывали. Будете у меня в городе – велкам.

«Офигеть», – пронеслось в голове Лео, и это была самая правильная мысль после такого рассказа. Козырнуть братьями Дрен было высшим шиком, но даже братья Дрен не могли завлечь к себе кого-нибудь знаменитого вне их города. А тут такие звёзды. Лео поймал себя на мысли, что при всей ненависти к слову «звёзды», используемому при описании каких-либо музыкантов, он таки произнёс его, хотя и в мыслях. Шок был сильный. Такое же чувство испытывал и Маттиас, который с изрядной долей скепсиса заметил:

– Да ладно! Эти чуваки играют так, что собирают большие залы.

– Так ведь и клуб немаленький. Вот, зацените.

На этих словах Энри показал ребятам некоторые фотки с концерта, фотки клуба, бара, селфи, где он запечатлён с разного уровня знаменитостями. Это была настоящая инди-сцена, из разряда «маст», то есть одним только фактом посещения этого заведения можно было хвастаться не меньше, чем дружбой с братьями Дрен или Томом, масштаб есть.

– Круто, чувак, настоящий крутяк, – будто лишённый словарного запаса, лишь смог вымолвить Лео.

– А-то! Так что приезжайте, затусим!

– Обязательно!

На этом решено было закончить посиделки и двинуться в путь. Все трое вышли на освещённую и обогреваемую солнцем улицу и, жмурясь, натянули свои очки. Попрощавшись ненадолго, они разбрелись в разные стороны – Маттиас в сторону своего дома, чтобы захватить Лолу и двинуть в супермаркет, Лео с Энри же пошли к трамваю, который бы увёз их в центр города. Знакомство с Энри, его внешний вид, его рассказы превращали все самые крутые вещи вокруг Лео в никчемные, обыденные, даже можно сказать серые, а сам город – в глухую провинцию, наполненную провинциальными ребятами вместо крутых чуваков, которыми он всегда считал свой круг общения. От этого не было ни зла, ни обиды – ведь и злиться было не на кого, и обижаться тоже. Лео брёл по улицам со своим гостем, показывая то то, то это (а ведь Лео был большим фанатом этого города и знал его до мелочей), чем пытался удивить Энри, а тот делал вид, что ему интересно или что он услышал в рассказе Лео нечто необычное. Понимая с каждым шагом, как далёк он, Лео, от крутизны своего нового знакомого, он буквально впал в отчаяние, но ненадолго, ведь за упадком вдруг появился подъём, мотивация – хотелось расти. Расти над собой, расти над городом, расти над привычками, расти над обыденностью, изменять мир вокруг, изменять мир внутри себя, ломать и крушить старое, созидать и возвращать новое. Революция, одним словом, как любил провозглашать Лео. Энри казался недостижимым со своей крутизной, но Лео, будучи заядлым мечтателем, знал, что достичь этого уровня реально. Нужно только послушать чуть больше треков, увидеть чуть больше картин и скульптур, посетить на парочку больше мероприятий и тусовок – и вуаля! Это казалось рядом, но Лео даже и представить себе не мог, что прямой путь, который он начертал себе в голове, может привести лишь к ещё большей банальности. Не в количестве, а в качестве дело, Лео. Не нужна тебе парочка произведений и вписок, тебе нужна тусовка таких парней, как Энри и его друзья. Да вот только проблема, что, сменив компанию на новую, ты теряешь старую, и не будет уже ни Маттиаса, ни Тома, ни Марго и её любовного треугольника, даже Лолы – и той не будет. Где-то в глубине души Лео понимал это, хотя и боялся себе признаться в полной мере.

Так, гуляя по улочкам, болтая мимоходом и параллельно размышляя о своей, в общем-то, никчёмной жизни, Лео был остановлен Энри, который вдруг заметил один антикварный магазинчик. Почему его взор упал именно на эту лавку – Лео оставалось только гадать, но его гость стал просто умолять зайти туда внутрь, будто бы там их ждал какой-то приятный сюрприз.

– У меня появилась идея для вечеринки, ты заценишь. Только нужно обязательно сюда зайти!

– Ну ладно, – согласился Лео, тщетно пытаясь растолковать замысел Энри.

Магазинчик оказался действительно небольшим. Скромность размеров торгового зала неприятно компенсировалась нескромными величинами ценников. Энри лихорадочно пробирався вглубь антикварного хлама, пытаясь найти что-то, только ему известное. Лео оставалось только стоять в стороне и разглядывать всякие старинные безделушки.

– Энри, а ты уверен, что хочешь здесь что-то купить? Цены не из дешевых, а послезавтра будет блошинный рынок.

– Ага, уверен на все сто! Сейчас или никогда!

Такой подход заинтересовал Лео, и ему стало любопытно, чем всё это кончится.

– Пока мы шли, я совершенно случайно придумал рецепт нового пунша. Точнее, всё было так: я вдруг безумно захотел пирожков со сливовым вареньем, которое умеет делать Лола, и подумал, что она могла бы всех угостить этими своими фирменными пирожками с этим самым вареньем. А потом как бац! И осенило – к чёрту пирожки, в доме престарелых поедим! Нужен пунш, и именно из этого варенья. Итак, у меня секретов нет, записывай – водка, много водки, лимонный сок и обязательно сливовое варенье. А из чего лучше всего подавать водку? Правильно, из самовара, и тут, как будто бы случайно, на пути выросла эта лавка. И я понял:

это знак, сейчас или никогда! Поэтому, Лео, я ищу самый настоящий русский самовар, старый, как эта трость или патефон. Ах, вот же он!

Из какого-то угла Энри весьма энергично выхватил огромный с золотым блеском самовар и высоко поднял его над головой.

– Вот он, звезда будущей вечеринки! И сколько бы он ни стоил – я беру этого красавца!

Лео это позабавило. «А что? – подумал он, – будет весьма кстати, этот чувак знает, что делает». С этой мыслью он вышел из магазина и стал дожидаться Энри снаружи – уж слишком соблазнительны были все эти предметы прошлого, чтобы не купить себе чего-нибудь. Здесь, у крыльца, его, борющегося с соблазнами, и нашёл Энри.

– Зацени! – воскликнул он.

– Неплохой. Действительно неплохой. И часто ты поддаёшься спонтанным идеям?

– Всегда! Ну, или почти всегда, – ответил Энри, доставая из кармана пачку сигарет. – Угощайся.

– Спасибо.

– Теперь, мужик, веди меня туда, где вы тусить надумали.

– Окей, тут как раз совсем недалеко.

Приводя в изумление случайных прохожих, они шли по улице, держа каждый одной рукой огромный старинный самовар. В него смогло бы вместиться столько водки, сколько хватило бы на три вечеринки, подумал сперва Лео, но позже, прикинув состав гостей, изменил свое мнение – хоть бы до конца вечера хватило. Затея с пуншем в самоваре ему, безусловно, нравилась. Ещё больше ему нравилось то, что он обзавёлся таким неординарным знакомым, который руководствуется очень смелым девизом в жизни и не боится принести в обыденность что-нибудь новенькое. Все герои на словах, но в реальности так часто возникает «надо подумать», «быть может, позже», «мне это сейчас не по карману». Фразы сомнения, будто подводные камни, прорывают дно корабля судьбы, который так хочет нестись по волнам, но, наткнувшись на камни, быстро идёт ко дну. Кораблекрушение судьбы делает человека серым, ординарным, притупляет его особенности. Крушение надежд ломает саму жизнь, и какой бы ветер приключений ни дул в твои паруса, ты уже не можешь повестись ни на какую авантюру, оставаясь дома на диване за просмотром фильма с простеньким сюжетиком, обвёрнутый, словно коконом, всевозможным хламом. Хлам, который мы тащим из магазинов в свои уютенькие квартирки, – будто океанская вода, пробившаяся сквозь прореху, тянет тебя на дно, а повседневная рутина подобно морским водорослям пожирает всё твоё нутро. Короче говоря, гиблое это дело – сомневаться и отпугивать спонтанность. Хорошо, что теперь есть пример Энри перед глазами, который вдохнёт новую жизнь.

Болтая и предвосхищая вечеринку, они дошли до «Дрена», где уже кипели полным ходом подготовительные работы. Ещё на подходе Лео заметил суетящегося Тома, который бегал по заведению с каким-то огромным чёрным полотном, пытаясь разместить его на окнах. Жозеф традиционно стоял на баре и наливал всем кегельное пиво.

– Ребята, знакомьтесь – Энри, брат Лолы и наш новый член команды.

– Здорово! Я Жозеф, а это мой младший – Карло. Там стоят Лу, Марго, Макс, её парень, а этот в шапке...

– Привет, Энри, я Том, – перебил тот Жозефа, выпустив наконец из рук полотно и крепко пожав руку новому знакомому.

– Рад знакомству. Я тут самовар прикупил.

– Короче, – бросился в разъяснения Лео, – Энри – *нереально крутой чувак!* Я показывал ему город, как – бац! – он бежит в антикварный магазин без всяких разъяснений...

– Ну-ка, ну-ка, – живо заинтересовался Том, – типа если кто не будет алкоголь – пусть чай пьют. Так ведь?

– Слишком просто, дружище. В самоваре будет пунш, состоящий из водки, лимона и варенья от Лолы!

– Вау! Нестандартненько! – заценил задумку Том и потёр руки в предвкушении.

– Ага, Лу, ты поняла? Пунш из водки в самоваре. Я просто поражена, пати будет то что надо, – объяснила подруге затею Марго.

– Окей, окей, ребята, – прервал возгласы Энри, – его нужно немного отчистить, и он готов. Лола с Мэтом должны быть скоро, я надеюсь. А пока – говорите, что делать, а то у меня прям руки чешутся!

– Короче, мы тут начали окна затемнять, ещё нужно гирлянду пустить, – стал объяснять Том. – Кстати, все стикеры расклеили, а то ещё остались.

– Чёрт, я забыл.

– Я тоже.

– Блин, хоть бы кто-то напомнил...

– Ну вы даёте! Осталось всего несколько дней! – рассердился Том.

– Дайте и мне тогда стикеров, – вызвался Энри. – Кстати, сегодня какие крутые вечеринки есть? А то я у вас в городе ненадолго и хочу обойти всё по максимуму.

– О, это наш пацан! – обрадовался Том. – Короче, смотри, дружище, сегодня в «Докторе Эде» будет перформанс, а после него – туса и диджеи...

– Эй, Том, давай оставим всё это на вечер, а пока работы много, – бросился в критику Жозеф.

– Работа не волк, но ты прав. Я потом тебе всё объясню, добавь меня в ФБ, и я поскидываю ссылочки. И номер мой: 0—125...

На этих словах раздался сильный хлопок, и Жозеф отпрыгнул от бара. Он был весь облит пивом – не справился с установкой нового баллона с воздухом.

– Чёрт, твою мать! – выругался он. – Кто свинтил клапан?

– Это я, наверное, – из-за угла почти шёпотом ответил его младший брат, – сорянчик.

– Вечно ты не считаешь силы, – бурчал Жозеф.

– Эй, эй, эй! Чего ругаетесь? – разрядил обстановку Маттиас, внося в «Дрен» сумки с продуктами и бутылками. Следом вошла Лола.

– Энри! Ты уже тут?!

– Лола! Сестрёнка! Рад тебя видеть! У тебя чумовые друзья.

Все на этой фразе мысленно шмыгнули с сарказмом. То, что из уст любого другого человека звучало бы как чудовищное непонимание ситуации и неумение разбираться в людях, от Энри исходило с весьма осознанной иронией.

– Да, они такие. Устроили весь этот движ, мы с Маттиасом просто удивлены. Правда ведь?

– Конечно! – ответил очень наигранно Маттиас. На этом не смог сдержаться Карло и залился пронзительным смехом.

– Карло! – закричали все хором, якобы показывая удивление его бестактности.

– Ахах, ребята, вы такие смешные, – ответила Лола и сама залилась смехом. С каждым днём она становилась всё роднее и роднее этому сообществу. Ещё чуть-чуть – и её смело могут назвать своей подругой все без исключения. Как жаль, подумалось некоторым, что она сдерживала себя так долго, ведь она прекрасно вписывается в компанию. Открытая, искренняя, любит подколы и понимает их и даже вроде смыслит что-то в нормальной музыке...

– Кстати! А почему у нас ничего не играет? – вдруг, как бы прочтя эту мысль, воскликнула Лола.

– Действительно! – поддержал Том, – не узнаю Дренов! У вас – и без музыки? Нонсенс!

– Карло! – пригласил Жозеф своего брата к пультау.

– Уно моменто, – отозвался тот, и «Дрен» наполнился потрясающе свежим треком от группы Nonn в обработке младшего Дрена.

Музыка вдохновила присутствующих продолжить работу, и всё закипело. Всё-таки без музыки никакая работа не может идти в радость, а вот простой, казалось бы, трек, и трудиться – одно удовольствие. Но самое приятное – трудиться под хорошую музыку в компании старых добрых друзей. Так что ситуация в «Дрене» была близка к идеальной.

Через пару часов все единогласно решили пообедать, и Лео отправился в ближайший кебаб и пиццерию и принёс кучу свёртков и коробок. После обеда работа продолжилась, и все в «Дрене», не теряя энергии и задора, сделали всё, что планировалось в этот день. Всё, за исключением стикеров, которые так и остались у каждого нерасклеенные. Ближе к вечеру Энри напомнил всем об обещанных вечеринках, и Том, перебивая остальных, бросился перечислять всё, что только есть сегодня ночью в городе. Выбор на правах гостя предоставили Энри, который с видом искушенного тусовщика выбрал парочку вечеринок – одну в стиле опен-эйр и другую в «Докторе Эде», с которой и начал его знакомить с городской ночной жизнью Том. Решено было всем разойтись по домам и переодеться. Для Лео выпала миссия приобрести у Сэма немного травы, чтобы вечер оказался просто волшебным и незабываемым. Впереди было часа полтора, и каждый разошёлся в сторону своего дома, чтобы потом снова собраться вместе для продолжения тусы в другой ипостаси.

– А что за Сэм? – спросил Энри, когда они уже приближались к дому Лео.

– Да чувак один, продаёт траву и всякое.

– Типа из вашей тусы?

– Не, он с нами не тусит. Да и вообще не особо общается. Не знаю, есть ли у него друзья или компания... Мэта он вообще не переносит, а со мной болтает иногда. Он странный немного. Говорят, он где-то в теракте был, и его контузило чуток.

– Хм, после контузии, говоришь? Я знал одного чувака после теракта. Ран у него не было, но головой тронулся – вступил в националистическую партию, хотя до этого был левым.

– Да ладно! – удивился Лео.

– Я серьёзно! Типа решил, что все теракты – от мигрантов, поэтому мигранты – зло и их нужно выгнать. Теперь бегаёт по митингам правых и участвует в демонстрациях. Однажды его пбили его же собственные друзья, точнее, бывшие друзья, из левых. Но он не изменился, всё тусит с наци.

– Бывает же...

– Этот Сэм такой же?

– Да не... Хотя мы с ним про политику не говорили...

– Я просто правых не переносу. Просто не перевариваю. Столько лицемерия у них, столько ненависти. Ты вообще видел хоть одного счастливого правого?

– Э-э... не припомню, – напрягая память, ответил Лео.

– Вот я об этом и говорю. У них нет счастья, потому что в них есть ненависть. Ненависть ко всем – мигрантам, субкультурам, абстрактному искусству, евреям, левым, климату... Ко всем, одним словом. Лепечут вечно про свои традиционные ценности, а потом оказывается – тот насиловал женщин, тот домогался. Возьми хотя бы Билла О'Райли...

– Да, тот ещё тип.

– Лицемер. Не могу к таким спокойно относиться. Поэтому если этот Сэм – из правых, то лучше у него не покупать ничего, поверь. Он может тебя поносить за закрытыми дверями самым суровым образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.